

НЕБЕСА
РАССУДИЛИ ИНАЧЕ

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Фенька – Femme Fatale

Татьяна Полякова

Небеса рассудили иначе

«ЭКСМО»

2015

Полякова Т. В.

Небеса рассудили иначе / Т. В. Полякова — «Эксмо»,
2015 — (Фенька – Femme Fatale)

ISBN 978-5-699-81848-8

Сестрица Агата подкинула Феньке почти неразрешимую задачу: нужно найти живой или мертвой дочь известного писателя Смолина, которая бесследно исчезла месяц назад. У Феньки две версии: либо Софью убили, чтобы упечь в тюрьму ее бойфренда Турова и оттяпать его долю в бизнесе, либо она сама сбежала. Пришлось призвать на помощь верного друга Сергея Львовича Берсеньева. Введя его в курс событий, Фенька с надеждой ждала озарений. Тот и обрадовал: дело сдвинется с мертвой точки, если появится труп. И труп не замедлил появиться: его нашли на участке Турова. Только пролежал он в земле никак не меньше тридцати лет. С каждым днем это дело становилось все интереснее и запутанней. А Фенька постоянно думала о своей потерянной любви, уже не надеясь обрести выстраданное и долгожданное счастье. Но небеса рассудили иначе...

ISBN 978-5-699-81848-8

© Полякова Т. В., 2015

© Эксмо, 2015

Татьяна Полякова

Небеса рассудили иначе

© Полякова Т. В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

*Где-то ангелы кричат
Прости-прощай.
Плавится душа, как свеча.
Разлилась по сердцу печаль,
Я навеки твой, ты – ничья!*

Би-2 «Ее глаза»

– Навещать родителей – наша святая обязанность, – с постной миной заявила Агатка. – Но выполнять ее сегодня как-то не хочется.

Мне тоже не хотелось, оттого я и согласилась с сестрицей, что, в общем-то, бывало не часто. Кивнула и, подперев щеку рукой, попыталась прикинуть: есть варианты избежать обязательный ужин в родительском доме? Решила, что нет, и обреченно вздохнула.

– Фимка, – позвала сестрица через минуту. Уверена, наши мысли текли в одном направлении, оттого ее последующие слова не удивили. – Двигай к предкам одна, соври, что у меня работы по горло, а я тебе лишний выходной дам. О'кей?

– Еще чего, – возмутилась я. – Отдуться за двоих за какой-то жалкий выходной... А как же принципы, сестрица? Кто мне всегда твердит, что старшим врать нехорошо?

– Ненавижу принципы, – фыркнула Агатка. – Им нет места в юридической практике.

Сестра у меня адвокат, и я, кстати, тоже. В основном ее стараниями. Мои личные амбиции выше ставки дворника в местном ЖЭКе никогда не поднимались. Но в семье решили, что это бросает тень на наше честное имя, и Агатке пришлось взять меня в свою контору. Надеюсь, она не слишком об этом жалеет.

Не реже чем раз в неделю я клянчу тот день и час, когда нога моя ступила на порог ее офиса. Наша мама – обладатель черного пояса по занудству, но ее лучшие приемчики блекнут рядом с тем, что вытворяет Агатка без всякого усилия.

– У меня встречное предложение, – ядовито произнесла я. – Почему бы тебе для разнообразия не засвидетельствовать дочернюю любовь в одиночку? Раз уж принципы сегодня отменяются, могла бы соврать, что у меня температура и ты, заботясь о сестре, оставила меня наедине с градусником и горячим питьем.

– Умная, да? – хмыкнула сестрица. – Чтобы мама тут же заявила, что я тебя работой утомила? Нет уж, я останусь у мамы на хорошем счету.

– Ну, удачи тебе...

– Как ни крути, а идти придется, – пробормотав сквозь зубы замысловатое ругательство, поморщилась Агатка и добавила: – Она кого-то там пригласила.

– Очередной жених? – нахмурилась я, теперь страдания сестры стали понятны.

У мамы навязчивая идея выдать старшую дочь замуж. На мою свободу она не посягает, замужем я уже была, причем не один раз, и, по мнению мамы, лучше б мне было в старых девах сидеть. В том смысле, что мои замужества маму совсем не порадовали. Меня, кстати, тоже, оттого я до сих пор радуюсь жизни в одиночестве. Мама мечтает о внуках. С моей

точки зрения, мечтать она могла еще лет пятнадцать совершенно спокойно, а при современном уровне медицины и вовсе практически бесконечно, но у мамы на этот счет свое мнение. Она определила крайний срок в пять лет, и Агатке следовало в него уложиться, если она дочь, а не чудовище, готовое спровадить в могилу собственную мать раньше времени... Пять лет – это немало, но мама способна их так отравить, что лучше в самом деле поторопиться.

В кои-то веки я была с мамой согласна, Агатка старшая – ей и карты в руки, то есть, скорее, памперсы. А там, глядишь, и я подтянусь... Но с памперсами все не так просто – у Агатки большая любовь, к сожалению, неразделенная. Никого другого сестрица не хочет, а любовь по имени Сергей Львович Берсенев постоянно глаза мозолит, в общем, забыть его раз и навсегда проблематично. У меня на любовном фронте полный швах, так что маму, в общем-то, понять можно...

– Ага, – отозвалась Агатка. – Оттого и говорю: выручи сестру, метнись одна.

– Есть же совесть предлагать такое, мама старалась, а ты не придешь. Меня в порошок сотрут...

– Каждый раз, когда ты говоришь «нет» старшей сестре, безнадежно портишь себе карму. Ладно, потопали, – взглянув на часы, сказала она, поднимаясь из-за стола. Мне пришлось последовать ее примеру. Я подала сестре пальто, подхалимски забежав вперед, в тайной надежде, что карму это несколько улучшит, а Агатка хмуро буркнула: – Мама умеет так долго пилить человека, точно у нее внутри вечный двигатель.

– Согласна, – кивнула я. – Этого у вас не отнимешь.

Агатка продемонстрировала мне кулак в ознакомительных целях, после чего я решила тему не развивать. Намотала шарф на шею, надела пальто и первой шагнула к двери. На работу я пришла пешком, так что ехать на двух машинах не придется. Новенький «Мерседес» сестрицы стоял неподалеку, рождая в душе легкую зависть.

– Хорошая машина, – сказала я, устраиваясь на переднем сиденье.

– Займи денег у предков и купи такую же.

– Куплю, когда сама заработаю, – ответила я.

А Агатка фыркнула:

– Не вздумай просить прибавки к зарплате. Я и так выбрасываю деньги на ветер.

– Может, мне в дворники вернуться? В ЖЭКе меня ценили.

– Я тебе вернусь... – пригрозила Агатка.

А я широко улыбнулась:

– К тебе заедем? Если у нас сегодня смотрины, тебе бы следовало приодеться.

– Сделай сестре приятное, заткнись, – ласково улыбнулась она, а я пожала плечами.

Мама с особой жестокостью расправлялась с овощами, стоя в белом переднике возле стола, и бесперебойно отдавала приказы. Я, Агатка, папа и домработница Катя сновали из кухни в столовую, испуганно переглядываясь. Судя по маминому настрою, затевалось что-то грандиозное. В люстре сияли все двадцать семь лампочек (в прочее время счастливо обходились девятью), стол накрыт скатертью с вензелем, в котором, если приглядеться, видны две буквы – «А» и «К», между прочим, мамино приданое; извлекали скатерть на свет божий, как правило, лишь на годовщину свадьбы.

– Жесть, – успела шепнуть Агатка, пролетая мимо.

Я сосчитала приборы, которые успела расставить Катя, и задумалась: стол накрыт на восемь персон, следовательно, в гости ждут четверых. Благородное семейство?

Тут в дверь позвонили, мама сбросила передник и пошла открывать, погрозив нам пальцем:

– Смотрите у меня...

– Куда смотреть-то? – ахнула Катя, которой сегодня досталось даже больше, чем нам, и оттого соображала она не очень.

– Это призыв вести себя прилично, – шепнула я, прислушиваясь к маминому голосу, доносящемуся из прихожей. – Чтоб жениха не спугнуть...

– Женихов, – жарко зашептала мне в ухо Катя.

– Мама устраивает тендер? – удивилась я.

– Мама хочет вас разом с рук сбить, – совершенно серьезно заявила Катерина, подтвердив свои слова кивком.

– Меня-то за что?

– А то ты не знаешь? Маме внуки нужны. И ни когда-нибудь, а сейчас, пока силы есть их на ноги поставить.

– Сил у мамы немерено... – начала я.

Но тут дверь в столовую распахнулась, и в комнату в сопровождении мамы вошла пара в годах, худенькая женщина, со стрижкой каре, и представительный мужчина с благородной сединой. Я решила, что дядьке очень бы подошла военная форма, и не ошиблась: гость оказался генералом, правда, уже в отставке. Женщина, по имени Софья Васильевна, работала в канцелярии областной администрации, где мама большой начальник. Папа старательно улыбался, пожимая генералу руку, мама пояснила, кто есть кто, впопыхах едва не забыв о гвозде программы: за спинами родителей скромно стоял мужчина из породы вечных мальчиков: невысок, строен и румян. Судя по морщинкам возле глаз и наметившейся лысине, ему уже за тридцать, но если не приглядываться, можно навскидку дать лет двадцать пять. Звали его Славик, и было ясно, что в Славиках ему ходить еще долго. Агатка криво усмехнулась, а он под ее взглядом пунцово покраснел. Отличное начало вечера. Судьба последнего прибора оставалась загадкой, может, Катя зря меня пугала, и прибор предназначался ей? Принимать участие в семейных трапезах она не любила, потому что, по ее словам, есть по-благородному не умела и стеснялась, но маме-то на это наплевать.

Тут в дверь вновь позвонили, на сей раз открывать пошел папа. Вскоре он вернулся с симпатичным мужчиной лет тридцати, в двубортном костюме в тонкую полоску, с легкой небрежностью и насмешливым взглядом.

Только я успела подумать: «А почему бы и нет?» – имея в виду, что Агатке и впрямь не помешает роман с продолжением или без, как сестрица, подняв брови, весело произнесла:

– Привет. А ты какими судьбами?

Мужчина покосился в сторону мамы и торопливо произнес, игнорируя Агаткин вопрос:

– Рад тебя видеть.

– Давайте за стол, – скомандовала мама.

Я плюхнулась на ближайший стул, а мама, рассаживая гостей, недовольно спросила:

– Так вы знакомы?

– Конечно, – кивнула Агатка. – Ты что, забыла? Мы с Елисеем Андреевичем в одной группе учились.

Елисей Андреевич улыбнулся, а я подумала, что жить с таким именем, должно быть, нелегко. Наверное, его мама, как и моя, считали, что обладателю редкого имени проще стать выдающимся человеком. Маму, кстати, зовут Августа, в детстве она много претерпела, и, наверное, в отместку назвала нас Ефимией и Агатой. Спасибо ей за это большое. Но Елисей, пожалуй, даже круче. Агата и Елисей, а сынка назовем Акакием, и жизнь, считай, удалась...

Тут я сообразила, что Елисей скорее всего предназначался мне, и растянула рот до ушей в ответ на его улыбку. У нас родится дочь, и назовем мы ее в честь мамы – Августой. А что? В наше время среди Аглай, Василис и Маланий она не затеряется.

Мамуля сидела напротив, между папой и Агаткой, точно триумфатор, хвастающийся пленными. Папа, впрочем, не без удовольствия болтал с генералом, а Агатка с Елисеем. Теперь

я удивилась, как это сразу не разглядела в нем адвоката. Славик рядом с сестрицей чувствовал себя потерянным, его родительница поглядывала на него с материнской любовью и досадой. Елисей ей очень не нравился, глядя на него, она, против воли, начинала хмуриться. И совершенно напрасно. Он ее сыну не конкурент. Просто не будь здесь Елисея, мы б от тоски загибались, а так ужин вполне удался, по крайней мере, разговор не прерывается, гости улыбаются...

Мама хоть и улыбалась, но терялась в догадках. Славик сидел тише мышки, а Елисей заливался соловьем, но не в том направлении, что указывала мама. Короче, все опять шло наперекосяк, и мама решила, что виновата в этом я, сверлила меня взглядом, поджимая губы. Часа через полтора, когда Катя подала десерт, Елисей, взглянув на часы, сказал, приложив руку к сердцу:

– Прошу меня простить, но вынужден вас покинуть. У меня через полчаса встреча...

Мама к тому моменту заметно к нему охладела и молча кивнула, Агатка пошла его проводить до двери, и я тоже, из желания показать, что мамину заботу оценила, а еще из любопытства, конечно.

– Как тебя к нам занесло? – предусмотрительно понижая голос, спросила Агатка.

– Вашей маме не отказывают, – зашептал он.

– А где вас черт свел?

– У Вовки Свиблова на свадьбе. Его предки дружат с вашими. Надеюсь, ты об этом помнишь?

– Помню, но от свадьбы нам с Фимкой удалось отвертеться. Выходит, мало что выгадали. Значит, мама тебя Фимке в женихи наметила.

– Я – перспективный молодой человек, а когда сказал, что до сих пор не женат...

– И девушки нет...

– Ага. Об остальном-то она не спрашивала. А сестра у тебя красотка, – заявил он и подмигнул, после чего спешно покинул нашу квартиру.

– Мама с женихами не угадала, – хмыкнула Агатка, закрывая дверь за приятелем.

– Царевич Елисей девушками в принципе не интересуется? – начала соображать я.

– Еще в студенчестве зарекомендовал себя стойким педиком. Мечтал отличиться в следственном комитете, но ориентация этому воспрепятствовала, так далеко наш либерализм не распространяется. Пришлось податься в адвокаты.

– Бедная мама. Правда, у нас еще Славик остался.

– Боюсь, что нет, – со скорбным видом ответила Агатка. – Ты заметила, на царевича он смотрел с большим интересом.

– Наговариваешь на мужика, чтобы от замужества отвертеться? – хмыкнула я.

– Ни-ни... чутье прирожденного сыщика подсказывает.

Мы покинули прихожую, к тому моменту Катя уже убирала со стола, а гости переместились в гостиную. Папа с генералом засели за шахматы и, судя по всему, были вполне счастливы. Славик сидел возле электрического камина и стойко улыбался. Мамуля и гостя пытались вести светскую беседу.

– Ушел? – спросила мама, завидя нас. – Что это за дела вечером в пятницу?

– Он по пятницам ходит с друзьями в баню, – пожала Агатка плечами. – Традиция.

– Ему жениться надо, а не в баню ходить. Что за глупость, в самом деле? У приличных людей свои бани по подвалам распаханы...

– У нас финская сауна, – встряла Софья Васильевна. – И бассейн. Славик каждое утро плавает.

– Вам повезло. А мои каждый день только нервы треплют.

– Что вы, Августа Николаевна, у вас такая прекрасная семья. Константин Викторович, можно сказать, идеальный супруг, и дочери – красавицы... просто ваши копии.

– Моя погибель, – рыкнула мама и надолго замолчала.

Софья, промучившись с полчаса, подхватив генерала и Славику, отчалила. Папа, доигрывая партию в одиночестве, что-то насвистывал под нос, пока мама не рывкнула:

– Прекрати свистеть! Денег не будет.

– Что опять не так? – возмутился папа.

– Все не так. Это не дети, а какое-то недоразумение.

– Ты Славика имеешь ввиду? Мне он тоже не понравился. А вот Иван Петрович, по моему, симпатичный человек...

– Он женат уже сорок лет.

– Так это же прекрасно... Августа, – нахмурился папа. – Ты опять за свое, оставь девочек в покое. Что за домострой, в конце концов? Почему им непременно надо срочно выходить замуж?

– Потому что природу не обманешь, а все эти новомодные привычки... Бабы с бородой в телевизоре, это нормально? Не успеешь оглянуться, все усами обзаведутся, а мужики титки отратят.

– Августа...

– Что – Августа? Мир с катушек съехал, а тебе хоть бы что... – Мама удалилась в свою комнату, успев напоследок шепнуть: – Паразиты...

К кому это относилось, не ясно, но мы на всякий случай почувствовали себя виноватыми.

– У мамы неприятности на работе, – вздохнул папа. – Кулагина спровадили на пенсию...

– Мама боится, ее тоже спроведят? – брякнула я.

– С какой стати? – удивился папа. – Хотя... если вам интересно мое мнение, мама с удовольствием променяла бы свой высокий пост на гордое звание бабушки.

– Если это мама так сказала, я бы не стала особенно доверять ее словам, – вклинилась Агатка. – Мама часто путается в показаниях.

– Не стыдно тебе? – хмыкнул папа.

– Мама – это святое, – в три голоса закончили мы.

Агатка села на место генерала, решив сыграть партию, а я пошла помогать Катерине.

– Досталось от мамы-то? – тут же включилась она в процесс воспитания. – И правильно. Нет бы, как людям, замуж-то выйти, детей родить... И мама бы спокойна была, ведь вам добра желает.

В общем, вечер удался. Мама из своей комнаты так и не показалась, и мы минут через сорок тихо смылись. Катя покинула квартиру вместе с нами, Агатка вызвалась ее подвезти, стало ясно: сестрица знать не знает, чем себя занять. Грустно. Обратная сторона свободы. Я простилась с ними возле машины и зашагала домой.

До дома оставалось два квартала, когда зазвонил мобильный. Звонил Димка Ломакин. Мои замужества материнством не увенчались, зато я успела обзавестись пасынком. Начинали мы с ним чуть ли не врагами: Димка считал меня виновной в гибели мужа и соответственно его отца. Но потом вдруг подружились. Временами эта дружба тяготила. Агатка утверждает, что Димка в меня втюрился, наплевав на наши родственные узы. Да что Агатка, я и сама так думала. И счастья это не прибавляло.

Взглянув на дисплей, я довольно долго слушала веселый мотивчик, прикидывая, стоит отвечать или нет. Совсем было собралась сунуть мобильный в карман, но, памятуя о настойчивости Ломакина, все-таки ответила.

– Привет! – заорал он мне в ухо, там, где он был, гремела музыка, и он меня плохо слышал, а вот я его прекрасно. – Вы где?

– Мы – это кто?

– Ты и сестрица, естественно. Серега сказал, у вас сегодня родительский день.

– Так и есть.

– Давай ты скажешь предкам, что у тебя срочные дела, а я через полчаса подъеду?

– Вы с Берсеньевым отдыхаете?
– Нет. У Сереги тоже какие-то дела нарисовались. Фенька, я тоскую без тебя и вот-вот умру. Соглашайся, выпьем, поболтаем... пятница все-таки.
– Ясно. Уже успел надрататься?
– Ничего подобного...
– Я предкам обещала у них остаться. Так что перебьешься.
– Нет в тебе сострадания...
– Посмотри вокруг, на свете много женщин, жаждущих твоей любви, не стоит жмотничать. Пока.

И, поспешно отключившись, я продолжила свой путь.

Во двор я входила, когда уже стемнело, и сразу обратила внимание на мужчину в глубине детской площадки. Свет единственного во дворе фонаря туда не доходил, и толком разглядеть мужчину не удалось. Он сидел на скамейке, ссутулившись, нахлобучив на голову капюшон. Вчера я его тоже видела, примерно в десять вечера. Вернулась домой, пила чай, сидя на подоконнике, и, только выключив свет в кухне и машинально взглянув в окно, обратила внимание: на детской площадке кто-то есть. Вчера он сидел на качелях. И сердце мое сладко екнуло, потому что я на мгновение решила: это Стас, и собралась бежать к нему со всех ног. Но тут мужчина поднялся и зашагал в сторону переулка, и стало ясно: кроме высокого роста, между ним и Стасом ничего общего. Он шел низко склонив голову, слегка прихрамывая, точно жал ботинок. Разглядеть лицо было невозможно, даже когда он оказался под фонарем, а я подумала, что мужчина, наверное, в возрасте, чувствовалась в нем усталость, обреченность какая-то, точно у тяжелобольного или бомжа, но этот-то не бомж: куртка новая и скорее всего не дешевая. В тот момент ничего, кроме разочарования, я не почувствовала. Мужчина – случайный прохожий, ненадолго нашедший приют в моем дворе.

И вот теперь он снова здесь. Я была уверена – он. Хотя с качелей мужчина переместился на скамью, где его и вовсе не разглядишь. Я замедлила шаг, всматриваясь в темноту. Он сидел не шелохнувшись и, судя по положению головы, пялился в землю. Погружен в свои мысли или очень хочет, чтобы я решила: ему до меня дела нет. Я направилась к подъезду, на ходу достала ключи из сумки. На душе вдруг сделалось скверно. Смутное беспокойство – предвестник скорой беды. Я замерла в трех шагах от двери, повернулась и решительно позвала:

– Мужчина! – И даже шагнула в сторону детской площадки, сама не зная зачем. Он сразу поднялся и очень быстро устремился к переулку, почти бежал. – Мужчина! – отчаянно повторила я и тоже побежала, но тут вся нелепость моего поведения обрисовалась очень ясно, и я, досадливо выругавшись сквозь зубы, вернулась к подъезду.

Догнала бы я его, и что? Документы спросила? Человек имеет право сидеть на скамье в чужом дворе. Законом это не запрещено. Да и догнать его было весьма проблематично, так что возраст мужчины теперь под сомнением, как и больная нога. По крайней мере, она не помешала ему раствориться в темноте в рекордно короткий срок. С чего я взяла, что мужчина, точнее, его появление во дворе, имеет ко мне отношение? Он может быть влюбленным (и вовсе не в меня) или жуликом. Кем угодно. Из девиц на выданье в подъезде только я, а народ здесь живет небогатый. Если дядя надумал кого-то ограбить, то либо он весьма неприхотлив, либо его ждет большое разочарование.

Само собой, весь вечер я нет-нет да и возвращалась к мыслям о нем, и даже пару раз подходила к окну. Двор был пуст, на детской площадке ни души. Спокойнее от этого не стало.

Утро выдалось пасмурным, наверное, по этой причине проснулась я в половине десятого, и мир вокруг не порадовал. А между тем на календаре весна, правда, солнце балует редко, ночью еще заморозки, но снега в городе уже давно нет, и воздух весенний, особенный.

– Весной все живое тянется к любви, – хмыкнула я, переворачиваясь на спину и закидывая руки за голову. С любовью проблемы, точнее, большая беда. Тут же явились непрощенные мысли о Стасе... впрочем, они никуда и не девались, но серая хмарь за окном оптимизма не прибавляла, и мысли были ей под стать.

На кухне что-то звякнуло, и я насторожилась. Жила я в коммуналке, которую когда-то делила с двумя симпатичными гражданами, как никто умевшими скрасить мой досуг. Но они меня покинули, обретя счастье в личной жизни. Какое-то время я жила в надежде на квартирантов. Даже если это будут неприятные субъекты, жизнь все равно заиграет новыми красками: мы либо подружмся, либо я куда-нибудь сбегу, но тут влез Димка и купил обе комнаты, да еще на мое имя. Большое ему за это спасибо. Я бы и сама могла, если б хотела. Но кто ж меня слушает? В общем, теперь вся квартира принадлежит мне, но кто-то в кухне гремит посудой. Глупо, но на ум сразу же пришел Стас. Оттого я вскочила и, даже не удосужившись взглянуть в зеркало, выпорхнула из комнаты.

Могла бы не торопиться. Димка возился с заварочным чайником. На столе коробка с пирожными.

– Привет, – расплылся он в улыбке, заметив меня.

– Привет, – буркнула я и направилась в ванную.

Не спеша приняла душ, почистила зубы, расчесалась и с минуту разглядывала себя в зеркало. Димка к тому моменту принялся барабанить в дверь.

– Фенька, ты скоро? Чай остынет.

– Безотвязный ты мой, – пробормотала я в досаде, надела спортивные штаны и футболку, которая висела здесь, и босиком пошлепала в кухню.

Димка прихлебывал чай из пузатой чашки (его подарок) и с веселой ухмылкой на меня поглядывал.

– Чего кислая? – спросил, отставив чашку. Отправил в рот половину пирожного и стал жевать.

– Планировала спать до обеда.

– А я помешал?

Я сочла, что отвечать не стоит, и стала пить чай.

– Давай махнем куда-нибудь? – улыбнулся Димка, а я поморщилась. – Что не так? – тут же прицепился он. – Мы...

– Дима, – погрозила я пальцем. – Никаких «мы» нет, то есть, конечно, есть, но в тебе я вижу друга и почти что родственника. И слишком большое внимание меня напрягает.

– Значит, видеть меня здесь ты совсем не рада? – развел он руками в большой печали.

– Ага. Но гнать не могу, раз уж квартира на две трети твоя.

– Квартира твоя, и давай больше не будем об этом. Я бы, кстати, ремонт сделал...

– Не надо. Не то сбегу.

Тут входная дверь хлопнула, и в кухню стремительно вошла сестрица, как всегда, не снимая пальто и забыв переобуться в тапочки. Димку удалось приучить, а эта – ни в какую. Однако в тот момент мне бы и в голову не пришло возмущаться ее поведением, появилась Агатка весьма кстати, избавив меня от неприятного разговора.

– Утро на дворе, и ты уж тут как тут, – съязвила она, адресуясь к Димке, поздороваться она тоже не считала нужным. – Или... – тут она перевела взгляд с него на меня и добавила: – Надеюсь, у тебя хватает ума не пускать его в свою постель?

– Почему это «хватает ума»? – проворчал Димка, сестрицу он слегка побаивался.

– Потому... Специально для тугосоображающих: во-первых, ты ее пасынок, а скандал нашему благородному семейству ни к чему, во-вторых, не такой зять маме нужен. Она, конечно, здорово нас достала, но доводить ее до инфаркта никто не собирается. Короче,

это плохая идея. Пусть уж лучше за Берсеньева идет. Я буду рыдать в подушку, зато предки порадуются.

При упоминании Берсеньева мы с Димкой дружно фыркнули. Он тут же решил не принимать всерьез Агаткины слова. А зря.

– Сама-то чего прилетела с утра пораньше? – спросил он, помог старшенькой снять пальто и отнес его в прихожую. Сестра тем временем устроилась за столом, взяв из шкафа чашку, вернувшийся Димка налил ей заварки и пирожные придвинул.

– С ума сошел? А фигура? – буркнула она, взглянула на меня, махнула рукой и потянулась к пирожному.

А я-то надеялась, что с ней делиться не придется. Димкин вопрос повис в воздухе, но тут Агатка заговорила:

– Час назад позвонили. Скорбная весть пришла, откуда не ждали. Царевич Елисей погиб...

– Как это? – нахмурилась я. Ясно, что звучало сие весьма глупо, но подобная новость в голове плохо укладывалась.

– Вот так, – вздохнула Агатка и потерла нос.

– Авария? – спросила я.

– Нет. Тело нашли рано утром, третий уровень паркинга торгового центра «Северный». Судя по всему, убит вчера вечером.

– Он про какую-то встречу говорил тебе... Папа позвонил? (Папа у нас, кстати, прокурор области, и такое предположение вполне логично.)

Агатка головой покачала:

– Секретарша Елисея. Ее пару часов назад по тревоге подняли, а она сразу мне.

– Почему тебе? – не поняла я.

– Потому что я, в некотором смысле, его наследница. Его делами теперь нам заниматься придется.

– Эй, – включился Димка. – Очень извиняюсь, дамы, но любопытство жевать спокойно не дает. Как звать царевича?

– Елисей и звать, – вздохнула Агатка. – Нилов Елисей Андреевич. Слышал о таком?

– Нет.

– Ну и хорошо, горевать не будешь. Хотя парня в любом случае жалко.

– А Феньке с какой стати горевать? – нахмурился он.

– С такой, что вчера за одним столом сидели, – ответила я.

– Где?

– Господи... тебе-то не все равно? У родителей...

– Мамуля опять женихами допекает? – скривился Димка. – Глядишь, через пару лет и я сойду за милую душу. А чего? По всем статьям товар вы уже залежавшийся... – с трудом сдерживая смех, добавил он.

– Что делает на твоей кухне этот тип? – буркнула сестрица.

– Пирожные жрет. Дима, пей чай молча. К чужой кончине приличные люди проявляют уважение.

– Я не приличный, а он – конкурент. А с конкурентами, знаешь, что делают?

– Глубокое заблуждение: ты бы понравился ему куда больше, чем мы. Но бедная мама об этом не знала.

– Куда катится мир... – хмыкнул Димка.

А я повернулась к Агатке:

– Кончина имеет отношение к его профессиональной деятельности? Я не просто так спрашиваю, вдруг злодей на этом не успокоится, а ты, то есть мы, теперь наследники?

– Менты считают, это ограбление. Ударили сзади тяжелым тупым предметом. Нилова возле машины нашли, она в ряду последней стояла, поэтому труп и заметили не сразу. Документы оставили, айфон и бумажник забрали.

– Вряд ли в бумажнике много наличности, а картой не воспользуешься. Елисей не похож на парня, который будет в бумажнике хранить записочку с PIN-кодом.

– А что у него за тачка? – вновь вклинился Димка.

– «Мерседес», понятное дело.

– И его не угнали? Чудные грабители.

– Может, боялись, что охранник на выходе их запомнит? Уходить через торговый центр безопаснее.

– Зато «мерс» денег стоит. Такой налички в бумажнике адвоката уж точно не нашлось бы.

– Кто знает, – пожала Агатка плечами. – Надеюсь, менты разберутся. Он с кем-то встречался, вдруг этот некто вернул ему долг, к примеру?

– А с делами, которые он вел, это точно не связано? – не унималась я.

Сестра вновь пожала плечами:

– Мы ж виделись недавно, я не вчерашний вечер имею в виду... ничего такого о своих делах он не говорил. Если честно, адвокат он средненький... был. И дела вел соответственные. С какой стати адвоката убивать? – фыркнула она.

– Мне своего иногда придушить очень даже хочется, – сказал Димка. – Дерет, гад, такие деньги. И за что?

– А ты меня в адвокаты возьми, – со своей лучшей улыбкой предложила Агата.

– У меня денег не хватит, – съязвил Димка. – Вот что, барышни. Елисей ваш уже ни в чем не нуждается, а выходные бог дает, чтоб у человека была радость в жизни. Поэтому предлагаю: забыть дела до понедельника, а сегодня напиться. Помянем адвоката... можем в кино сходить...

– До чего ты надоедливый тип, – покачала я головой.

– Допустим, я сейчас уйду. А чем займетесь вы? Выпьете пять литров чая и будете гадать, кто Елисея убил? Много пользы. Короче, Фенька, одевайся и едем навстречу весне и новой жизни.

– Вообще-то он прав, – вздохнула сестрица. И я отправилась переодеваться.

Через полчаса мы покинули мою квартиру. Я была намерена как следует развлечься, если уж Агатке пришла к тому охота, и намерение мы выполнили. Полдня проторчали в боулинге, запивая пивом наши скромные победы, до отвала наелись морепродуктами в симпатичном ресторанчике и даже посмотрели кино. С этим, правда, вышла незадача: фильм понравился только Агатке, мы с Димкой, комментируя происходящее на экране, весело хихикали, а Агатка шипела и грозила вывести нас из зала. Наконец фильм закончился, а вскоре пришла пора расставаться. Агата Константиновна слегка удивила, предложив мне заночевать у нее. Такое, скажем прямо, случалось не часто. Хоть временами сестрицу и посещают невеселые мысли об одинокой старости, наедине с самой собой ей не скучно. По крайней мере, жалоб на этот счет я никогда не слышала, зато на отсутствие времени – сколько угодно. В общем, сестрица умела занять себя, и то, что она весь день, по ее терминологии, дурака валяла, весьма удивительно, а приглашение в конце вечера удивило вдвойне. Сама я к сестрице хаживала нечасто: Агатка зануда и общения с ней мне на работе хватало. Но я тут же согласилась по двум причинам: во-первых, было любопытно узнать, с чего такая милость, во-вторых, так проще избавиться от Димки. Его занудство в последнее время доставало больше сестрициного.

– Не поверишь, – поднимаясь по лестнице к своей квартире, заговорила она. – Этот охладом в самом деле мне нравится.

– Ну, так в чем проблема? Порадуй маму.

– Мама Диме не обрадуется, о чем тебе прекрасно известно. К тому же влюблен он в тебя. И я нахожу его хорошим парнем.

– У тебя в детстве было сотрясение мозга, так что не удивительно.

– У тебя тоже было. И не в детстве. Мозги на место до сих пор не встали. – Агатка замерла, сурово на меня взирая.

Я тоже вынуждена была остановиться и недовольно спросила:

– Начнешь вправлять их прямо сейчас? Я бы предпочла более комфортную обстановку, за чашкой чая...

– Что толку? Твои мозги – загадка природы. По мне, так у тебя их вовсе нет, – сестрица сердито махнула рукой и зашагала дальше. – Димка в тебя влюблен, это видно невооруженным глазом, и что ты собираешься с этим делать, балда?

– А у меня есть выбор? – разозлилась я. – Не реже двух раз в неделю я напоминаю ему о наших родственных узах, но ему по фигу... Отделаться от него возможным тоже не представляется. Хотя, если честно, не хочется разбивать нашу веселую компанию, не так много радостей в моей жизни.

– Парадокс в том, что вы идеально подходите друг другу, – отпирая дверь, вздохнула Агата. – Димка охламон, ты – редкая раздолбайка...

– Нет такого слова...

– Не перечь сестре. И смотрите так, что хоть сейчас на обложку журнала.

– И к чему все эти речи? – первой входя в прихожую, задала я вопрос.

– Просто стенания по поводу несправедливости судьбы. Ты его не любишь, да?

– У тебя есть сомнения?

– Нет, к сожалению. Влюбись ты в него, и, глядишь, на свете стало бы на двух счастливых людей больше.

– А мама с папой? – удивилась я.

– Ради счастья дочери иногда можно и напрячься...

– Мама напрягаться не любит. Роман с собственным пасынком – это даже по моим меркам слишком. Какого лешего ты завела этот разговор? – всерьез разозлилась я. К тому моменту я успела оказаться в кухне и включить чайник.

– Беспокойство у меня, – плюхнувшись на стул, заявила сестрица. – Жизнь вопреки ожиданиям не становится ни проще, ни лучше. Все еще надеешься, что Стас...

– Отвали, – ласково попросила я.

Агатка кивнула, точно соглашаясь, и сменила тему.

– А куда Берсенев подевался? Димка ему раза три звонил, но он не ответил...

– Понятия не имею, где его носит, – проворчала я и подумала: «Неужто к своей бывлой любви подался? Нет. Он дал слово, а такие, как Сергей Львович, слово не нарушают».

– Ну, если и ты не знаешь...

– Я что, его секретарь?

– Нет. Ты человек, которым он по-настоящему дорожит. Не Димкой и не мной, как это ни прискорбно, а тобой.

– Мама дорогая, женихи штабелями укладываются, а у меня постельный пост который месяц...

– Любовь, дурища, бывает разной, – разливая чай, с умным видом заявила Агатка.

– Ага... я люблю моченые яблоки, книжки про котов и раннюю осень.

– Точно. А Берсенев любит тебя.

– Как моченые яблоки?

– Подозреваю, куда больше. Димка не ревнует?

– Есть немного.

– Ну и гораздо же ты, сестрица, усложнять себе жизнь, – хихикнула Агатка и стала пить чай, ненадолго заткнувшись. А я подумала: «Старшенькая, как всегда, права: с легкостью бытия у нас явные проблемы».

Спать мы легли поздно, но больше не дискутировали, а тихо-мирно смотрели телевизор.

Утром объявилась мама и потребовала сопроводить ее в торговый центр, ей нужны туфли, а к ним неплохо бы сумку. Агатка, как всегда, переложила дочерний долг на меня, и я полдня болталась с мамой по магазинам. Серьезное испытание. В общем, я очень порадовалась, когда выходные, наконец, закончились.

Понедельник не обещал ничего особенного, солнце по-прежнему пряталось, я, как всегда, не выпалась, зевала во весь рот, вызывая перешептывания немногочисленных сотрудников (мы сидели в общей комнате, своего кабинета мне не полагалось). Девчонки немного похихикали на тему моей бурной личной жизни и кругов под глазами. Я списала их слова на зависть. Вспыхнувшую дискуссию пришлось прервать: в конторе появился мужчина лет тридцати пяти, с короткой стрижкой и манерами обитателя притонов. Кожаная куртка нараспашку и бейсболка, которую не мешало бы постирать, а лучше просто выбросить, догадки лишь укрепили. Он с ходу принялся остричь, да так, что даже у терпеливой Верки желваки заходили. Когда она собралась указать ему на дверь, парень, предъявив удостоверение, заявил, что жаждет видеть Агату Константиновну. Вера улыбнулась с намеком на сочувствие и, пожелав ему удачи, доложила Агатке о прибывшем. Парень скрылся в кабинете, а минут через пять Агата Константиновна вызвала меня. Куртку Петр Сергеевич (так звали гостя) успел снять, и шутить ему уже не хотелось. Агатка нас представила, кивком предложив мне сесть, и обратилась к гостю:

– Продолжайте, господин Тарасов.

– Турова, как мне сказали, теперь защищать будете вы? – кашлянув, заговорил Петр Сергеевич.

– Правильно сказали.

– Дело абсолютно ясное... – из голоса Тарасова уверенность испарилась точно по мановению волшебной палочки, Агатка, сложив руки на столе, смотрела на него с веселым озорством. – Никаких сомнений, что именно он убил девушку...

– У меня еще не было времени ознакомиться с делом.

– Я знаю, и... собственно, я просто подумал, что нам не мешало бы поговорить и...

По закону адвокат положен даже распоследнему ублюдку, прошу прощения. Но думаю, как женщина, вы согласитесь, подобные, с позволения сказать, люди, должны сидеть за решеткой.

– Если должны, то сядут. На всякий случай хочу предупредить, я занимаюсь адвокатской практикой не ради участия в игре, а ради победы.

– Вот это меня и беспокоит, – вздохнул гость.

– С какой стати? Вы ведь уверены в виновности Турова, значит, доказательства у вас стопроцентные.

– Стопроцентных доказательств не бывает, – отмахнулся Петр Сергеевич.

– Выходит, есть сомнения?

– Никаких. Вы бы рожу его видели...

– Надеюсь, ваши обвинения основываются не на визуальном восприятии подозреваемого?

Сестрица умеет и святого довести до бешенства, а Тарасов святым не был.

– У меня, между прочим, восемьдесят шесть процентов раскрываемость. Слушайте и рыдайте: восемьдесят шесть процентов. И этот ублюдок не отвертится...

– Встретимся в суде, – широко улыбнулась Агатка, и Петр Сергеевич, схватив куртку, спешно нас покинул.

– Симпатичный паренек, – кивнула я ему вдогонку. – По какому случаю дым коромыслом?

– Одно из дел, что от Елисея досталось. Убийство Софьи Смолиной, дочери известного писателя. Подозревают ее бойфренда, девчонка была беременна.

– И мы будем его защищать, – кивнула я.

– Будем.

– Потому что уговор дороже денег?

– Потому что никто его добровольно защищать не будет. Если честно, я даже не знала, что Елисей влез в это дерьмо...

– Вдруг повезет и обвиняемый сам от нас откажется?

– Когда это нам везло? Тарасов что-то слишком нервничает, небось напортачили следки... Придется спешно заняться этим делом, то есть самого дела я еще даже не видела, знаю обо всем только из СМИ.

– А я и вовсе ничего, – покаялась я и нарвалась на укоризненную физиономию.

– Как можно жить в городе и ничегошеньки не знать из того, что здесь происходит? Это ж наш хлебушек с икоркой.

– Корысть до добра не доводит. Кстати, это один из семи смертных грехов.

– Seriously? Жуть. Но если остальные не нарушать, может, и прорвемся. Значит, так. Ты на хозяйстве, а я побежала. Попытаюсь еще сегодня встретиться с клиентом.

– Агатка, – позвала я и за ухом почесала, демонстрируя сомнение. – Ты там насчет Елисея все-таки выясни, вдруг на тот свет его спровадил вовсе не грабитель?

Подумав немного, она пожала плечами:

– Может, и не грабитель. Но к этому делу его убийство точно никакого отношения не имеет. Да и с какой стати адвоката убивать? Чтоб Денис Туров без защитника остался? Так другого дадут.

– Дадут. Но вряд ли ожидали, что тебя.

– Что ты хочешь сказать? – удивилась она.

– Я хочу сказать: не каждый день у нас такие визитеры. Сколько я здесь работаю? А подобного не припомню.

– Да ладно... – отмахнулась Агатка и вскоре покинула нашу контору.

Само собой, появление Тарасова живо обсуждали в коллективе, девчонки принялись вспоминать о недавнем убийстве. Правда, навспоминали немного. Убитая – дочь известного писателя Геннадия Смолина, он родился в нашем городе, и хотя уже много лет назад обосновался в Москве, но продолжал здесь часто бывать, жил подолгу. В самом центре у него была квартира, в так называемом доме творческих работников. Он ее продал и приобрел дом в поселке Бережки, в нескольких километрах от города. Место дачное и на редкость красивое. Девятнадцатилетняя дочь Смолина тут жила практически постоянно (намекали на проблемы с матерью – второй женой писателя, которая проживала в Москве). Однако ничего конкретного по поводу этих самых проблем припомнить не смогли и перешли к следующему пункту обсуждения. Смолин женат в третий раз, но смог удивить: супруга оказалась не моложе мужа лет на двадцать, а на два года старше. Говорят, они дружили еще в детском саду, потом жизнь развела в разные стороны и вдруг вновь соединила. Первая жена писателя живет здесь, так же как и внебрачный сын. Смолин-младший работает на местном телевидении самым главным начальником одного из каналов.

– А об этом Турове что известно? – задала я вопрос.

Девчонки дружно пожали плечами:

– Говорили, что он вел себя по-свински, избивал ее...

– Кто говорил?

– Кто-кто... дед Пыхто. По телевизору говорили... Ты телевизор когда-нибудь смотришь?

- В субботу смотрела. Но про Турова там ничего не было.
- Девчонку убили почти месяц назад, а ее бойфренда арестовали через несколько дней...
- И что, он сознался?
- Понятия не имею, – ответила Вера за всех.
- Ладно, сестрица вернется – все узнаем.
- А где она?
- Навещает падших в узилище.
- Значит, защищать этого упыря будет Агата? – вздохнула Вера.
- Кто, если не мы? – выпатив грудь, торжественно произнесла я.
- Хорошо кривляться. Если хочешь знать, я бы таких, как этот Туров...
- Если хочешь знать, я бы тоже, – перебила я. – Но тут решают другие.

«Другие» явились только в половине восьмого вечера, когда из всего нашего сплоченного коллектива на рабочем месте оставалась лишь я. Сидела за столом, подперев щеку рукой, и ждала Агатку. Рабочий день кончился, следовательно, работать – грех, тем более что за сверхурочные не платят. А уйти не позволяло любопытство.

Наконец входная дверь хлопнула, и вошла Агата, на ходу разматывая длинный шарф, который каким-то совершенно особым способом завязывала вокруг шеи. Выглядела сестрица усталой. Лицо бледное, круги под глазами темные, не удивлюсь, если она поест за весь день не удосужилась. Впрочем, я тоже.

- Сидишь? – спросила она с той особой интонацией, за которой обычно следовал нагоняй.

Чувствуя себя совершенно безвинной, я нахмурилась, неодобрительно глядя на Агатку, чтоб особенно не увлекалась. Она достала из сумки толстенную папку и бухнула передо мной на стол.

- Изучай.
- Прямо сейчас? – вздохнула я.
- А что мешает?

Папка была посвящена Турову Денису Яковлевичу, о чем свидетельствовала надпись на обложке.

- Ты с ним встречалась? – задала я вопрос, открыв папку без всякой охоты.
- Имела удовольствие.
- И как?
- Взгляни на фотографии.

Я, конечно, взглянула. С фотографии на меня смотрел парень лет двадцати пяти, бритый наголо, вместо волос череп украшала татуировка кобры, голова которой висела над правой бровью.

– Симпатяга, – констатировала я, вглядываясь в физиономию с боксерским носом и глубоко посаженными глазами. Смотрел парень исподлобья, и как-то чувствовалось: окружающий мир симпатий у него не вызывал. Он у меня тоже.

– В жизни Туров еще прекрасней, – заверила Агатка, подтянула стул и устроилась на нем верхом.

Теперь мы сидели рядом, соприкасаясь локтями.

- Что говорит?
- То же, что и все. Невиновен.
- Понятно.

– Елисей был уверен: девчонку он убил. Склонял его покаяться. Но этот ни в какую. Наш покойный друг собирался его слить. Навещал регулярно, но палец о палец не ударил, чтобы все перепроверить.

- А надо? – спросила я, приглядываясь к сестре.

– Честно? Не знаю. На редкость противный парниша. Хамить горазд, а руки дрожат. Боится, но вида не показывает. В общем... я подумала, то, что он мне не нравится, еще не повод на него всех собак вешать. Не повод?

– Ну... – пробормотала я, пытаюсь угадать, куда она клонит.

– Гну. Короче, займись этим. Время есть...

– Я?

– А кто? За мной общее руководство. И не перечь сестре, а то хвост вылезет.

– Какой еще хвост?

– Свиной. Старшей сестре перечат только свиньи. Запиши сие изречение и держи бумажку перед глазами.

– А если я накосячу? – с сомнением спросила я.

– Тогда невинный человек окажется в тюрьме... или сядет совершенно заслуженно.

Я пожала плечами, решив обойтись без критики. Переубеждать Агатку возможным не представлялось.

Через полчаса мы покинули контору. Сестрица вызвалась меня отвезти, но я решила проявить благородство, видя, что она с ног валится от усталости, и отправилась пешком.

Входя во двор своего дома, шаги замедлила, приглядываясь к детской площадке. Никаких подозрительных субъектов, впрочем, как и любых других. Я внимательно осмотрела двор, замерев возле подъезда. Вдруг после вчерашнего он прячется, например, за гаражами. Если и прятался, то вполне успешно. С легкой досадой я вошла в подъезд. Радости от того, что кто-то в моем дворе пасется, никакой, но еще хуже, если все еще пасется, но я об этом не знаю.

Дома я заварила чай и устроилась за кухонным столом, прихватив папку с делом Турова. Перелистывая бумаги, то и дело поглядывала в окно. Иногда во дворе кто-то появлялся, соседи или случайные прохожие, но вчерашнего типа никто даже отдаленно не напоминал. А я, вспоминая его удаляющуюся фигуру, ловила себя на мысли, что было в ней нечто знакомое. Игры разума. Говоря проще, выдаю желаемое за действительное.

Выпив третью по счету чашку чая, я посоветовала себе сосредоточиться на работе, но покидать кухню не стала. Кухонный стол для работы – место самое удобное. В моей комнате есть только журнальный стол, а в две другие комнаты я не заглядываю вовсе, не считая их своими. Димка их купил, вот пусть у него голова и болит, что с ними делать.

Часа через два я все еще сидела в кухне, погруженная в чтение, одновременно прикидывая, как подступиться к этому делу, с кем встретиться, кого опросить. На первый взгляд все вроде бы казалось очевидным. Туров поссорился со своей подругой накануне ее исчезновения. Несколько свидетелей уверяют: ссора получилась бурной, дошло до рукоприкладства, причем с обеих сторон. На следующий день они вновь встретились по инициативе Софьи Смолиной. Судя по всему, выясняли отношения, на этот раз вроде бы вполне мирно. Софья попросила отвезти ее на дачу отца, хотя ее собственная машина находилась на парковке торгового центра. Туров объяснил это тем, что Софья выпила в кафе, где они встречались, два бокала вина, и за руль садиться не стала, машину она собиралась забрать завтра. В поселок Бережки вела отличная дорога, но Туров выбрал менее удобную, сославшись на то, что она значительно короче. В принципе, вполне может быть правдой: у него джип и плохая дорога ему не страшна. Оказавшись в машине, молодые вновь ссорятся, и вскоре Туров высаживает девочку в нескольких километрах от города, прямо на дороге, и, развернувшись, отправляется домой. Но, минут через двадцать успокоившись, решает, что повел себя недостойно, и вновь разворачивается в надежде подобрать Софью там, где оставил. Движение в тех краях интенсивным никак не назовешь, и прыгать на обочине девушке пришлось бы долго. Однако Софьи в том месте не оказалось. Проехав еще примерно километров пять, Туров решил, что Софья уехала на попутке. Совсем рядом был перекресток, и там, возвращаясь в город в первый раз, он вроде бы заметил машину. Но ни номер, ни даже марку назвать не смог. В общем, он вто-

рично возвращается в город. Пока он катается туда-сюда на своем джипе, в полицию поступает звонок от неизвестного. Мужчина сообщает, что некий молодой человек избивает девушку, указав примерное место, где это случилось. Место то самое, где Туров высадил Софью. Скорее всего не просто высадил, и отношения они опять выясняли бурно, чему случайный водитель и стал свидетелем. Однако Туров категорически настаивал, что из машины даже не выходил: Софья, потребовав остановить джип, выскочила, хлопнув дверью, а он развернулся и уехал... После телефонного звонка к месту происшествия отправилась патрульная машина, но полицейские никого не обнаружили.

На въезде в город машину Турова остановили сотрудники ДПС. Одному из них показалось, что Туров нервничает, его попросили открыть багажник, а еще проверили, не употреблял ли он алкоголь в тот день. Тест Туров благополучно прошел. Сотрудник ДПС заметил у него кровь на рукаве рубашки, Туров пояснил, что у него из носа кровь текла, вот и испачкался. Парень казался неадекватным, но повода задерживать его не было, и в конце концов Турова отпустили.

В тот день Смолин несколько раз звонил дочери. В час пятнадцать дня она сообщила, что едет к нему. Дорога занимала самое большее сорок минут, поэтому в три семнадцать он вновь позвонил. Телефон оказался отключен. Отец, само собой, начал беспокоиться. На следующее утро, так и не дозвонившись дочери, он обратился в полицию.

Машина Софьи находилась на стоянке, сама девушка исчезла. Похоже, последним ее видел случайный водитель. Полицейские осмотрели местность в указанном районе и в кустах рядом с дорогой нашли кусок ткани красного цвета. В тот день на Софье была красная куртка. Там же обнаружили клочок волос и пятна крови. Экспертиза показала: это кровь Софьи Смолиной. Однако, несмотря на все поиски, труп девушки до сих пор не найден. Выяснилось еще одно обстоятельство: накануне Софья была у врача и узнала о своей беременности.

Тут я поразмышляла немного и набрала номер сестрицы.

– Чего тебе? – голосом мученицы осведомилась она.

– Что за хрень? – удивилась я в ответ. – Я чего-то не поняла или нет никакого убийства, а есть без вести пропавшая девушка?

– В самую точку, сообразительная моя.

– Ага, – кивнула я. – А чего тогда Туров в тюрьме делает?

– Дочитать до конца терпения не хватило? При виде оперов он попытался скрыться, да так рьяно, что одному бедняге сломал руку. Короче, оказал сопротивление, за что сейчас и отдыхает в местном санатории. Симпатий к нему все это не добавило. Девушка исчезла почти месяц назад. Требований о выкупе не поступало. Плюс обрывки одежды, ее кровь и волосы. Ни у кого никаких сомнений: в живых ее нет. А труп он мог спрятать.

– Когда? Его же менты останавливали.

– Менты, те, что были на патрульной машине, в кусты не полезли. Туров мог вернуться позднее, вечером или ночью, и спрятать труп. Только у него был повод разделаться с девчонкой.

– И какой? Ее беременность?

– Для некоторых повод не хуже других. Алименты платить не хотел... потому что жмот.

– А чем он вообще занимался? В деле об этом ничего.

– Вроде программист, сам себе командир. Если интересно – узнай поточнее, а я спать хочу.

– Еще вопрос, и я от тебя отстану. Кто видел, как они ссорятся на дороге, и позвонил в полицию?

– Мужчина не пожелал назвать своего имени.

– А звонил откуда?

– Из телефона-автомата, который находится в деревне Воронки. Надеюсь, тебе известно, что во всех населенных пунктах нашей Родины теперь обязательно должны быть телефоны, и, как ни странно, некоторые из них работают.

– Получается, что у Турова времени совсем не было. Он убил девушку и оставил тело возле дороги. И только потом за ним вернулся. Довольно глупо, учитывая, что труп могли обнаружить, а его самого замести.

– Время у него все-таки было, примерно минут пятнадцать. Он же сказал, что возвращался за девчонкой, на это и ушли те самые пятнадцать минут. В реальности он мог никуда не уезжать, спрятал тело и покатиł домой. И знать не знал, что кто-то позвонил ментам, ведь, по утверждению Турова, ни одна машина мимо не проезжала.

– Одну машину он вроде бы видел на перекрестке...

– Скорее всего мужчина, который ею управлял, как раз и позвонил. К тому же Туров не ожидал, что его ДПС остановит. Но его остановили. Кровь на рукаве заметили. Значит, если тело найдут, менты тут же о нем вспомнят, что, собственно, те и сделали. Поэтому надо было тело спрятать. Вот он ночью и вернулся, логично предположив, что наши люди шевелиться не охочи, Софью начнут искать не сразу, ну и так далее.

– Ты уверена, что убил он? – спросила я.

Агатка довольно долго молчала, я терпеливо ждала, не желая ее торопить.

– Не знаю, дорогая сестрица. Вполне мог, но...

– Но?

– Не хотелось бы ошибиться.

– Какая разница? Нам его по-любому защищать, – хмыкнула я.

– Разница есть, и большая, дубинушка стоеросовая. Невинный человек не должен оказаться в тюрьме, в этом смысл нашей профессии.

– А сколько виновных, которым удастся счастливо отмотаться от срока, – съязвила я.

– И такое, к величайшему сожалению, бывает, – покаянно произнесла сестрица. – Чтоб совесть нас с тобой не мучила, ты и займешься расследованием, и самым тщательным образом все выяснишь. Я в тебя верю, дерзай.

– Последний вопрос...

– Уже был.

– А как же общее руководство? – напомнила я, и сестрица смилостивилась.

– Валяй.

– А если убийство адвоката все же связано с этим делом? И танцевать бы следовало от него?

– Может, еще придумаешь, как связано? Судя по бумагам, Елисей не особо себя утруждал. Его смерть вызвала бы подозрения лишь в одном случае: Туров не убивал, а Елисей напал на след истинного убийцы, но в деле нет и намека, что кто-то страстно желал, чтобы Софья исчезла.

– Допустим, наследство. У нее отец известный писатель, а у известных писателей деньги должны водиться.

– Согласна. В той части, где речь идет о деньгах. У тебя широкое поле деятельности, что меня только радует.

И, забыв попрощаться, что, впрочем, ничуть не удивило, Агатка повесила трубку. А я, подперев щеку рукой, продолжила чтение.

Утром, едва проснувшись, я сразу направилась к столу, где с вечера, а если быть совсем точной, с ночи, лежали мои записи, и, прихлебывая из чашки кофе, скоренько их проглядела. План следственно-разыскных мероприятий, как съязвила бы сестрица. Для начала надо встретиться с людьми, которые хорошо знали Турова и исчезнувшую девушку, по неведомой при-

чине называть ее «убитой» не хотелось, хотя в ее гибели, судя по всему, никто уже не сомневался.

Начать я решила с подружки Софьи. Подругам девятнадцатилетние девушки зачастую доверяют куда больше, чем родителям. Для начала я позвонила. Ира Маклакова, так звали подругу, долго не могла взять в толк, что мне от нее нужно. Я заподозрила бурную ночь или хроническую бестолковость, но тут она, наконец, буркнула:

– Ладно, приезжайте. – И назвала адрес. Он не соответствовал тому, что был в деле, но это не удивило.

Спустившись во двор, я направилась к своей машине. Волка, то есть сыщика, как известно, ноги кормят, но свои я решила поберечь. Беготни намечалось много.

Ира, как выяснилось чуть позже, снимала квартиру вместе со своим бойфрендом. Звали его Евгений Клопов, и с Туровым они оказались друзьями. Я позвонила в дверь и принялась ждать, потому что никто открывать не торопился. Наконец дверь распахнулась, и я увидела девушку лет двадцати с небольшим, в коротком халатике и с полотенцем в руке, мокрые волосы рассыпались по плечам.

– Вы Ефимия, да? – спросила она, увлеченно меня разглядывая. Я кивнула и поспешила войти в квартиру. – У меня тут не прибрано, – нисколько не смущаясь, сказала Ира и кивнула в сторону единственной комнаты.

«Неприбрано» весьма мягкое определение. Даже для меня, хотя я в чистюли никогда не лезла, Агатка с ее страстью к порядку начала бы морщиться, а мама и вовсе пришла бы в ужас. Вся одежда, что водилась у Иры, развешена, разбросана и раскидана по всевозможным поверхностям и прямо на полу. Правда, встречались скомканные мужские носки, толстовки большого размера, которые Ире точно бы не подошли, так что выходило: в создание хаоса принял участие и бойфренд, следовательно, здесь царит гармония и молодым людям можно лишь позавидовать. Сбросив с кресла ворох одежды, Ира предложила мне сесть, сама устроилась на диване, села по-турецки прямо на джинсы и шелковую блузку и на меня уставилась.

– Можно вопрос? – спросила с улыбкой. – Как вас обычно зовут, не Ефимией же? Имя у вас редкое, – торопливо добавила она.

– Ага, – я согласно кивнула. – Зовут меня Фенькой, сестра – Фимкой, так что у вас есть выбор.

– Может, мы на «ты»? А то чувствую себя как на допросе.

– Здорово достали?

– Да не то чтобы очень... Все это... тяжело. Соня – моя подруга. Но к Дене я очень хорошо отношусь. И точно знаю, он не убивал.

– Откуда такая уверенность?

– Он хороший парень. Добрый. Всегда всем готов помочь. Его друзья одно дело замутили, так он им деньги дал, просто так, без процентов и расписок.

– Что за дело?

– Компьютерный клуб. Они все на играх помешаны.

– Где этот клуб находится?

– На Пирогова, рядом с университетом, в подвале... Там вывеска есть.

– А какие отношения у них были с Софьей?

– Ну... – девушка вздохнула. – Последнее время, если честно, не очень.

– А поточнее?

– Кто-то в Интернет фотки выложил. Сонька там в чем мать родила, и... в общем, дерьмо фотки, если ты понимаешь, о чем я... Сонька утверждала, что это фотомонтаж, но мало кто поверил. Один раз она сама фотки выложила с голой грудью и вместо трусов листочек фиговый, вроде это так называется. Венеру изображала. На ее страничке такого понаписали насчет Венеры, мама не горюй. Само собой, Дене это не понравилось. И то, что о его девушке пишут,

и то, что Соня фотку выложила. Она ее удалила, но осадок остался. И тут опять. Само собой, Денис решил, что это она сама. А потом появилась фотка, где она на коленях у какого-то парня, и тот, как и она, голый. Его лица не видно, а ее очень даже хорошо.

– Фотография на ее странице появилась?

– Ага. «ВКонтакте». И подпись, в том смысле, что Сонька добрая девушка и никому не отказывает. Это, кстати, полное вранье. Она не такая. Может, с фотками в прошлый раз она начудила, но насчет парней железно. Мы с ней не раз разговаривали, и она придерживается мнения, что, если у девушки есть парень, на других смотреть нечестно. Сначала надо расстаться, а потом заводить другие отношения.

– Разумно, – кивнула я. – Значит, Соня утверждала, что фотографии – это фотомонтаж?

– Да. И я ей верю. Фотки мерзкие, кто ж будет себя в таком виде выставлять, в здравом уме, я имею в виду. Но попробуй это мужикам доказать, когда они заведутся.

– А Денис завелся?

– Еще как. Они здорово поскандалили. А тут еще выяснилось, что Соня беременна. Представляешь? Само собой, если верить фоткам, вовсе не факт, что ребенок Дени.

– Постой, – перебила я, – когда ты о беременности узнала?

– Ну... примерно за неделю до того, как она пропала.

– Но Соня была у врача накануне...

– И что? Она при мне делала тест на беременность. Вот в этой самой квартире. А к врачу пошла, потому что думала делать аборт. Деня очень злился из-за фоток, и она не хотела, чтоб он ее всю жизнь попрекал.

– Отцовство сейчас устанавливается просто...

– Само собой, но от разговоров-то куда деться? Не будет же Деня каждому козлу объяснять, что ребенок его и все это враки?

– Значит, Соня собиралась сделать аборт?

– Не знаю, – вздохнула Ира. – Собиралась, но... на самом деле она хотела сохранить ребенка, и если б Деня настоял...

– А что Деня?

– Не знаю. Они без конца ругались. Но он ее не убивал. Это просто бред. Зачем ему? Допустим, он ее бросил. Допустим, она родила, и это его ребенок. Он бы платил алименты и виделся бы с ребенком, вот и все.

– Может, он просто ее ревновал. Ударил, не рассчитал и...

– Кто кого ударил, еще вопрос, – произнесла Ира.

– Подожди, есть свидетельства, что Денис с ней плохо обращался, избивал ее.

– Избивал, – хмыкнула Ира, – это слишком. Мог влепить пощечину, когда доставала. Сонька, она взбалмошная. Могла сцену ревности на пустом месте затеять. И сразу по морде. Да еще кулаком. Совершенно дикая. Характер такой. Ну, Денис сначала терпел, а потом терпелка кончилась. Дал сдачи. Но пощечину, и только. Чтoб там кулаком – никогда. А она еще больше заводилась. Он ее за руки схватит, тряхнет как следует, рявкнет: «Хватит, дура!» – ну, она малость потрепыхается и остынет. Мне хвалилась, что после этих стычек секс у них просто улет. Очень может быть: она его нарочно травила, чтоб потом кайф словить.

– Может, на дороге она тоже кайф ловила, – вздохнула я. – А он подустал и влепил ей по-настоящему?

– Не знаю, – нахохлилась Ирина. – В жизни всякое может быть, но Деня не убийца. Если чего и вышло, то нечаянно. И прятать тело он бы не стал...

– Да? А кто от ментов сбежать пытался?

– А ты там была? И видела, как все происходило? Они ж с ним так разговаривали, точно уже знали: он – убийца. Кому ж в тюрьму хочется, особенно если невиновен. Мент думал его скрутить, да не на того напал. Вот и все...

– Понятно. А давно они были парой?

– Денис с Сонькой? Около года.

– А ты ее давно знаешь?

– Лет пять. Она к отцу на лето приезжала, у моих предков дача рядом, на озере как-то и познакомились.

– А кто их познакомил с Денисом?

– Я, то есть на самом-то деле мой парень. Мы в одном университете учились, только он уже на последнем курсе. Познакомились в столовке, так смешно... – Она взглянула с сомнением, точно прикидывая, стоит ли об этом рассказывать и решила: «не стоит», чем очень поразовала. Денис и Софья интересовали меня куда больше. – Ну а потом Женька меня с Деней познакомил. Женька – мой парень, – пояснила она. – Мы из универа шли, а Деня подъехал. Довез до дома. Мы встречались время от времени, а когда Сонька приехала, я ей про него рассказала, и она тут же попросила: познакомь. Хотя у нее тогда парень был. Может, не совсем парень, в смысле, они встречались, но никакого секса не было, так, по-дружески, а Деню она даже никогда не видела...

– А как она объяснила свой интерес?

– Да никак. Я рассказывала, как мы на байдарках ходили вместе с Деней, фамилию его назвала, а она очень заинтересовалась: что за парень, где живет, чем занимается? Даже про родителей спросила. Как будто я знаю, кто его родители. Мне своих за глаза хватает. Теперь вот и Женькины. Мама Лиза чуть не каждый день прибегает и пилит, и пилит, то не так, это не эдак... Нормально, а? Мы для чего квартиру снимаем? Чтоб нам жить спокойно не давали? Своей я запретила сюда таскаться. Ей дай волю...

– И ты их познакомила? – перебила я.

Ира взглянула с некоторым удивлением, успев потерять нить беседы.

– Кого? А, ну да... познакомила. И я тебе скажу, Сонька сама ему на шею вешалась. В смысле, инициатива от нее исходила. Дене она поначалу не очень понравилась, хотя заинтересовался сразу...

– Это как понять? – уточнила я.

Ира задумалась.

– Сама не знаю. Вроде у них какие-то общие интересы возникли, а уж потом личная симпатия. Ага. Сонька своего парня бросила, и вскоре они с Деней стали парой. Вот так.

– Я видела его фотографию. Не скажешь, что он симпатичный.

– Не скажешь. Но и Сонька не то чтобы красавица, если ты об этом. К тому же внешность у мужика не главное. Деня парень с мозгами. И с деньгами.

– Деньги откуда, если он нигде не работает?

– Почему не работает? Он программы пишет. Ему то и дело из Москвы звонят, звонили... всегда какая-нибудь халтура подворачивалась. За игру ему бабки большие предлагали.

– За какую игру? – не поняла я.

– Они компьютерную игру придумали, стрелялку... и вроде кто-то хотел ее купить.

Тут я почувствовала чье-то присутствие, повернула голову и увидела стоявшего в дверях парня, чуть старше Ирины. Вошел он совершенно бесшумно, не знаю, как много он успел услышать, но наш разговор ему явно не понравился.

– Привет, – хмуро бросил он, поняв, что его присутствие уже не тайна.

– Женя, – нараспев произнесла девушка, улыбнулась и поднялась ему навстречу. Обняла молодого человека и поцеловала легко, едва касаясь губами его губ, он тоже улыбнулся, но в том, как парень поспешно отстранился, чувствовалось раздражение. – Ты чего рано? – спросила Ира.

– На тебя не угодишь, – проворчал он. – То рано, то поздно. – И выразительно посмотрел на меня.

– Это Ефимия, адвокат Дени. Она его защищать будет... – добавила девушка несколько смущенно.

– А куда прежний адвокат делся или вы вместе работаете? – в голосе мужчины слышался вызов, то ли я ему по какой-то причине не нравилась, то ли адвокаты вообще.

– Прежний адвокат погиб, – ответила я.

– Ни фиги себе, – ахнула Ирина.

А бойфренд уточнил:

– На машине разбился?

– Судьбой друга вы, я так понимаю, не особенно интересуетесь, – усмехнулась я, это очень не понравилось Евгению.

– В смысле?

– В смысле, что в Интернете вовсю обсуждают убийство адвоката Нилова. Вы, кстати, с ним встречались?

– Ну да... – кивнул парень весьма неохотно. – Один раз встретились, он про Дениса расспрашивал, что да как... я не знал, что его убили. В Интернете торчать времени нет.

– Друга навестить времени тоже не остается?

Парень вдруг покраснел и смущенно отвел взгляд, возможно, покраснел он от злости на меня, но хотелось верить, что это совесть пробудилась. Тут вновь заговорила Ирина:

– Ни фиги себе... ты чего ж мне сразу не сказала про адвоката. А кто его убил?

– Тем же вопросом задаются в правоохранительных органах, – ответила я, но Ирина так и таращила глаза, ожидая продолжения.

– И чего? – спросила она, так и не дождавшись.

– Ищут.

– Убийцу?

– Догадливая. Было бы здорово еще и свидетелей найти.

– Вы что, думаете, его из-за Дени убили? – хмуро поинтересовался Евгений.

Хотя тот же вопрос я совсем недавно задавала Агатке, сама восприняла его настороженно:

– А было за что?

– В смысле? Черт, – теперь он разволновался не на шутку и вроде бы даже испугался. – Я адвоката видел один раз. Дня через два после того, как Дениса арестовали.

– Вот я и думаю, что такого мог знать адвокат? – симулируя глубокие размышления, заявила я.

– Между прочим, мы в последнее время с Деней мало общались. Я очень занят и...

– Скажи, как, по-твоему, Денис любил Софью?

– Что? А-а... не знаю.

– То есть вы подобные темы не обсуждали?

– Почему же... иногда...

Ирка, судя по выражению ее лица, готовилась высказаться весьма красноречиво, однако гнев ее относился вовсе не к болтливости бойфренда.

– Они любили друг друга, – отрезала она.

Евгений едва заметно поморщился.

– Мне Деня ничего такого не говорил.

– Как это? – ахнула Ира.

– Между прочим, сначала она ему вообще не понравилась, – запальчиво произнес бойфренд. – Она за ним бегала, на шею вешалась, а он только посмеивался.

– Ничего она не вешалась, – рявкнула Ирка и топнула ногой. – Может, скажешь, я тоже за тобой бегала?

– Да при чем здесь ты? – Он повернулся ко мне и жалобно продолжил: – Соня попросила познакомить ее с Туровым. Он согласился без особой охоты. Потом она звонила несколько раз. Деня встречаться с ней не спешил, но потом...

– Потом они оказались в одной постели, она забеременела, и он ее убил?

Молодые люди переглянулись, Иркино лицо скривилось, казалось, она сейчас разрыдается, а Женька замер, вытаращив глаза.

– Что ты рассказал адвокату? – быстро спросила я.

– Я? Ничего, – он уже кричал. – То же самое, что и вам... тебе. Деня встречался с Сонькой, они стали любовниками и этого не скрывали, а кто там кого любил или не любил, я понятия не имею. Иногда парни живут с девушками просто потому, что им так удобней...

– Потом расскажешь, – угрожающе заявила Ира.

А бойфренд тяжело вздохнул:

– Черт... все как-то по-дурацки.

– Это точно. Надеюсь, вы понимаете, если в том же духе начнете давать показания в суде, закопаете своего приятеля на счет раз. Теперь вопрос. Друзья у него есть? Я имею в виду настоящих друзей, которым он доверяет не только свои деньги, но и мысли.

– Зря ты так... – после минутной паузы, в продолжение которой Ирка давилась слезами, а сам Женька сурово хмурился, произнес он. – Мы нормально к нему относились... в смысле, дружески и... кто знал, что так получится? Все в шоке...

– У нее подруга была, – быстро заговорила Ира. – Настя Медовая... смешная фамилия, да? Они с ней с детства... Если у Соньки были тайны, Насте она бы их точно доверила.

В деле не было никакого упоминания о Насте, это я помнила совершенно точно. Выходит, Нилов о ней не знал? Туров тоже не знал или предпочел о ней промолчать, считая, что от секретов Софьи больше вреда, чем пользы. Да и были ли секреты?

– Телефон Насти знаешь? – спросила я.

– Конечно, только она сейчас в Таиланде. В каком-то монастыре медитирует. Она каждый год на месяц уезжает. Звонить бесполезно, я уже пробовала, хотела рассказать, что с Соней случилось.

– То есть, когда Софью убили, Насти в городе не было?

– Уехала за пару дней до этого. Она скоро вернуться должна.

Я записала номер и на всякий случай позвонила, мобильный Насти отключен.

– Я же говорила, – пожала Ирка плечами.

– Ладно, спасибо за содержательную беседу, – кивнула я, сделала вид, что собираюсь уходить, и, точно вдруг вспомнив что-то, обратилась к Женьке: – Ты знаком с ребятами из компьютерного клуба?

Вот этот вопрос ему однозначно не понравился.

– Ну да. Знаком.

– Где их найти?

– В клубе.

– Имена у них есть?

– Конечно. Виктор Мелехов и Игорь Злобин.

– Спасибо.

Я направилась к двери, Женька последовал за мной.

– Не подумай, что я... – торопливо забормотал он, когда я уже взялась за дверную ручку.

– Что ты? – не дождавшись продолжения, уточнила я.

– Никто из нас не верит, что Деня убил. Глупости. И дело не в том, любил он Соньку или нет. Он просто на такое не способен. Убийство вызывает у него отвращение. Он даже от дальнейшей разработки игры отказался, хотя компьютерщик классный. Он против насилия в принципе.

– Но девушку свою иногда колотил.

– Это другое.

– Правда?

– Черт, – он покачал головой. – Сонька была чокнутой. Может, зря я это говорю, но вовсе не любовь их связывала. А что-то другое... Нехорошее, – он долго подбирал слово, и то, что произнес, ему явно не нравилось, он поморщился, снова чертыхнулся сквозь зубы. – Я даже подумал, может, она в какой-то секте? И его втянула? Он не раз хотел ее бросить... Я при Ирке не стал говорить... Хотел ее бросить и опять к ней возвращался, точно околдованный. И ребенок ни ему, ни тем более ей был не нужен. Какой ребенок? Сонька сама недавно в школу бегала, и Деня... Он всегда был аккуратен, это он мне сказал, а она... как будто нарочно забеременела.

– Так он знал о беременности?

– Само собой.

– И когда Соня ему сообщила?

– За несколько дней...

– Это точно?

– Конечно. Я с ним разговаривал дня за два до этого, и он все знал.

– А что за история с фотографиями?

Женька вновь покраснел и торопливо пожал плечами.

– Я знаю только то, что Ирка рассказала. В Интернете фоток даже не видел. Если думаешь, что Деня из-за фоток... чушь собачья. Да ему все равно...

– Все равно, с кем она спит?

– Никакой любви там не было, – перешел он на шепот, косясь в сторону гостиной на случай приближения Ирки. – Когда ты про адвоката сказала, я подумал: может, правда секта? Они умеют за собой подчищать.

– Не увлекайся боевиками, – серьезно сказала я и, наконец, покинула квартиру.

Да, загадали мне загадку: не было никакой любви, а было... что? Если честно, я с самого начала не очень-то верила в ссору на почве ревности с последующим убийством, хотя объяснить причину своих сомнений затрудняюсь. Назовем это интуицией. И убийство Елисея в версию следствия никак не вписывалось. Вопрос: с какой такой стати я считаю, что Елисея убили вовсе не из-за содержимого его бумажника, золотых часов и прочих приятных вещей, до которых так охочи безработные наркоманы?

Выбравшись на улицу, я немного потопталась возле подъезда, без всякой радости обзревая двор: лужи и прошлогоднюю грязь. Небо серое, лица у прохожих унылые.

– Весна, – пробормотала я и козой запрыгала к машине, стараясь не промочить ноги.

Клуб «Илион» расположился в подвале пятиэтажки. В подвал вела лестница, выложенная мраморной плиткой. Кованый козырек над входом и вывеска «Илион». Вывеска расцвечена огнями и в темноте должна выглядеть весьма привлекательно. Впрочем, сейчас тоже неплохо. Спустившись по роскошным ступеням, я потянула на себя тяжелую дверь и вскоре оказалась в большой комнате, заставленной компьютерами. В настоящее время здесь находилось человек семь мужчин разного возраста, от очень юных до тех, кто вполне мог быть кому-то дедушкой. Меня это удивило: я считала, что времена компьютерных клубов давно прошли, у каждого дома по паре планшетов, даже я обзавелась... И теперь размышляла: это я отстала от жизни или приبلудившиеся сюда граждане?

Боковая дверь открылась, в комнату вошла девушка с длинной косой (еще один анахронизм), в руках у нее была кружка со свежесваренным чаем, аромат заполнил все пространство вокруг.

– Привет, – кивнула она, окинув меня взглядом, в котором сквозил вопрос. – Чем помочь?

И стало ясно, в оригинале вопрос должен звучать так: «Тебе-то что здесь надо?»

– Виктор или Игорь здесь? А лучше оба?

– А-а... – девушка вроде бы собралась что-то спросить, но передумала и молча указала на дверь.

Я интеллигентно постучала и, не дожидаясь ответа, вошла в комнату. Мужчины сидели за придвинутыми вплотную столами лицом друг к другу. В комнате имелся еще один стол с ноутбуком и стопкой папок, аккуратно сложенных, чтобы не развалились. Третий стул пустовал, сидящие на двух других одновременно взглянули в мою сторону.

– Здравствуйте, – с оптимизмом начала я. – Меня зовут Ефимия, я адвокат вашего друга.

Мужчины переглянулись, то ли об адвокатах не слышали, то ли гадали, что у них за друг такой.

– С Денисом Туровым вы, надеюсь, знакомы? – подсказала я.

– Да, конечно. – Один из мужчин поспешно встал и пододвинул мне стул.

Я устроилась поближе к пустующему столу, чтобы держать в поле зрения обоих.

– Виктор, – представился тот, что подал мне стул, и кивнул на товарища. – Игорь. Мы слышали о том, что случилось... Значит, вас назначили вместо Нилова.

– Мой босс пошла на это добровольно.

– Кто, простите?

– Завьялова Агата Константиновна, я на нее работаю. А она теперь адвокат вашего друга. Фамилия им ничего не сказала, вот бы сестрица удивилась.

– Если нужна помощь, мы...

– Нужна, нужна, – закивала я. – Расскажите мне об этом клубе.

– О клубе? – внезапно ожил Игорь, до той поры молчавший.

Надо сказать, парни были молоды, обоим не больше двадцати пяти, хотя они изо всех сил старались выглядеть солидно. Оба в костюмах. Игорь даже в галстук. Костюмы не самые дешевые. Один обут в ботинки желтого цвета, второй в кроссовки. На шее Игоря шелковый шарф, на запястье красная нитка. Виктор рубашке предпочел оранжевую футболку. Им бы у Берсеньева поучиться. Этот даже в их прикиде наверняка выглядел бы сокрушительно. Парни же смотрелись скорее комично. Претензия на стиль, которого в помине не было. Виктор, ко всему прочему, оказался круглолицым, с глазками-пуговками и по-девчачьи пухлыми губами. У Игоря лицо бледное, вытянутое, кончик длинного носа смешно вздернут. Я разглядывала их, а они меня. Наконец, взаимный осмотр мы закончили, и Виктор, откашлявшись, заговорил:

– Что конкретно вас интересует?

– Все. Когда открылись, как идут дела... какую сумму вам ссудил Туров...

Мои вопросы им не понравились, они продолжали переглядываться, точно вели молчаливый диалог, решая, что делать.

Тут в комнате появился еще один мужчина, старше лет на семь, в джинсах и куртке с капюшоном, бросив короткое «привет» и чуть задержав взгляд на мне, он пересек комнату и распахнул дверь в соседнее помещение. Дверь была узкой, я решила: там гардеробная или туалет, но мужчина вошел в комнату, сплошь заставленную компьютерами и прочей техникой. Впрочем, у меня было слишком мало времени, чтобы как следует все разглядеть.

– Мы открылись полтора года назад, – торопливо заговорил Виктор, точно очень не хотел, чтобы я проявляла интерес к той самой комнате. – Дела идут неплохо... собираемся расширяться. Что касается денег... вас, видимо, ввели в заблуждение. Мы не брали у Дениса денег в долг, на самом деле мы компаньоны. Он вложил деньги, идея была наша.

– Какая идея? – удивилась я.

Они вновь переглянулись. Эта игра в переглядки начала действовать мне на нервы.

– Я неверно выразился... мы непосредственно занимаемся клубом, а Денис получает свой процент... точнее, шестьдесят процентов, сорок мы делим на троих. Хотите взглянуть на документы?

– Очень хочу, – кивнула я.

Виктор, не поднимаясь с кресла, достал из стоявшего рядом сейфа папку и протянул мне. Я бегло просмотрела ее содержимое. Что ж, на первый взгляд все вполне ясно и законно. Печати и подписи на своих местах, проценты прописаны. Однако возвращать бумаги я не спешила, неторопливо их перелистывала, пытаюсь решить, в чем подвох. В том, что он есть, я почему-то была уверена. Четвертым членом команды оказался Евгений Клопов, бойфренд Ирины, что совсем не удивило. А вот подозрения только увеличило.

– У Дениса есть свой экземпляр, – не выдержал Игорь.

– Не сомневаюсь. – Я вернула документы и улыбнулась, стараясь разрядить обстановку, атмосфера не то чтобы сгущалась, но дружеской ее точно не назовешь.

– Как его дела? – заговорил Виктор. – Когда его выпустят?

– Пока не знаю.

Игорь криво усмехнулся, а я продолжила:

– Что вы можете сказать об их отношениях с Софьей?

– Нормальные отношения, – пожал Витя плечами. – Иногда ссорились... как все.

– На личные темы мы не говорили, – запальчиво произнес Игорь. – Да и работой Денис не очень интересовался. Инвестировал деньги, получал свой процент от прибыли, и...

– А что с прибылью?

– Миллионерами в ближайшее время не станем, – улыбнулся Виктор. – Но, в общем-то, мы довольны. И перспективы есть. Я ведь сказал: собираемся расширяться. Вы не ответили: как дела у Дениса? Его действительно подозревают в убийстве?

– К сожалению, другие версии пока всерьез не рассматриваются.

– Я не верю, что Денис это сделал. У него внешность дворовой шпаны, но на самом деле он интеллигентный человек и...

– Он ее бил?

– Никогда ничего подобного не слышал.

– Есть свидетели, что незадолго до убийства они поссорились и Денис ее ударил.

– Дать пощечину и бить – не одно и то же, – сказал Витя. – Это оказался единственный способ ее успокоить. У Сони была настоящая истерика. Мужчины не выносят истерик.

– Надо запомнить.

Он вновь улыбнулся. Похоже, я ему нравилась. Чего нельзя сказать об Игоре, этот смотрел исподлобья и вроде бы боролся с искушением высказаться весьма критично.

– Денис не ангел, но он не убийца, – повторил Виктор.

– Тогда давайте вместе подумаем, кому выгодно исчезновение Софьи.

– Понятия не имею. С ней мы знакомы не то чтобы хорошо... иногда вместе проводили время, но, как это обычно бывает, болтали о пустяках. Я даже не могу вспомнить о чем. Лично мне трудно представить, кто мог желать ей зла. Впрочем, о таких вещах вообще не думаешь, пока что-то не произойдет. Это не могло быть случайным убийством? Ее сбила машина, водитель испугался и спрятал тело?

– Возможно, – пожала я плечами. – Лично я вовсе не уверена, что Софья погибла.

Виктор нахмурился, не понимая, куда меня вдруг понесло, а Игоря мои слова прямо-таки поразили, он замер, не сводя с меня настороженного взгляда.

– А что же тогда?

– Она могла уехать, никого не предупредив. Софья беременна, отношения с Денисом далеко не безоблачны плюс эта история с фотками. Кстати, таким ребятам, как вы, наверное, нетрудно вычислить того, кто выложил снимки в Интернет.

– Это сделал далеко не дурак, следы заметить умеет. Единственное, что мы смогли, – удалить их, но... многие успели фотографии увидеть.

– Отличный повод покинуть город.

– То есть, вы считаете, Соня просто сбежала? – в крайней растерянности пролепетал Игорь. Не понятно, порадовали его мои слова или, наоборот, огорчили.

– Не просто. У Дениса теперь неприятности. И будут продолжаться до тех пор, пока Софья не объявится.

В тот момент я была почти уверена: все так и есть. Девчонка сбежала, разозлившись на бойфренда, который не захотел признать, что ребенок от него. Клочок куртки, кровь... свидетель, видевший ссору на дороге. Свидетель особенно беспокоил. Неужто она всерьез решила упечь Турова в тюрьму и с этой целью обзавелась сообщником? Страшитесь, мужики, женщин в гневе.

Однако в конце концов появиться ей придется, и тогда неприятности обеспечены уже ей. Но обиженные девушки в ее возрасте об этом, само собой, не думают.

– Разумеется, – продолжила я. – Где-то она должна найти приют. Друзья, о которых родители ничего не знают... Родственники отпадают, к ним они наверняка уже обратились.

– Мы не знаем ее друзей, – быстро произнес Игорь и нахмурился. – Только Иру Маклакову, она их с Туровым, кстати, и познакомила. Софья не отвечает на звонки и в Интернет не выходит...

– Логично, учитывая, что ее цель убедить всех в том, что она погибла.

– По-вашему, она спятила? – возмутился Виктор. – И на родителей ей наплевать?

– По опыту знаю, о родителях юные обиженные девицы вообще не думают.

– Вам виднее, – кивнул он, я было решила, что просто от язвительности не удержался, но судя по его физиономии, говорил вполне серьезно. – Это что ж получается: у Дени неприятности, а Сонька где-то сидит да посмеивается?

– Сидит пока Деня...

– Почему вы думаете, что она жива? – резко спросил Игорь и вдруг смутился.

– Тела нет, – пожала я плечами.

– Его могли спрятать.

– Могли. Или оно само спряталось.

– Я не понимаю, почему вы так решили? Просто ищете способ оправдать Турова?

– Вообще-то это моя работа.

– Но... если ее не найдут, вы не докажете...

– Точно. Как не смогут доказать и факт убийства.

– И Турова выпустят?

– Надеюсь. А вы в этом не заинтересованы? – напрямую спросила я.

– Знаете что... – возмутился Витя.

А Игорь буркнул:

– Вы спятили.

– Тела нет, а неприятности у парня есть. В таких случаях компаньоны всегда на подозрении. Это я к тому, что вам следует мне помочь в обретении истины. – Я положила визитку на стол. – Звоните, если что-то вдруг вспомните, – и направилась к двери, весело им подмигнув, чем окончательно сбила с толку.

В соседней комнате меня ждал сюрприз. Когда я проходила мимо девушки-администратора, она жестом фокусника сунула мне в руку скомканный лист бумаги. Я едва его не выронила от неожиданности. Девушка покосилась в сторону двери, из которой я только что вышла, и быстро приложила палец к губам. Шпионские страсти вызвали у меня прилив бодрости и оптимизма – вдруг да и удастся раскрыть страшные тайны в один день?

Направляясь к машине, я развернула бумагу и прочитала: «Через полчаса на углу». Полчаса не бог весть какой срок... Вряд ли на мою машину обратили внимание Витя с Игорем, но светиться здесь не стоило.

Неподалеку я заметила кафе и решила ждать там. По счастливой случайности из окна кафе угол здания, в котором находился клуб, был виден отлично. Я заказала кофе, не спеша его выпила и начала поглядывать в том направлении.

Вскоре появилась девушка. Закурила, оглядываясь, а я, расплатившись, отправилась к ней.

– Может, в кафе поговорим? – предложила я, поравнявшись с нею.

– Времени мало, я покурить отпросилась, могут хватиться в любой момент... Я ваш разговор подслушала, вы дверь прикрыли неплотно. Деня хороший, а эти – гнусы, Витька вообще-то ничего, а Гоша и Женька – полные уроды. Я бы уже давно от них ушла, да некуда. Гоша в Соньку втрескался по уши. Это все знали, догадывались. Он когда ее видел, тупей тупого становился. Но Сонька только на Деню смотрела, то, что она с кем-то еще, – враки. Руку на отсечение давать не буду, но Сонька не такая. Видно ж человека. А сбежать запросто могла. Она с прибабахом. За Деней она точно тенью ходила с самого начала.

– Как хозяева друг к другу относятся, живут мирно? – спросила я.

Девушка криво усмехнулась:

– Какое там... На Деню у них большие обиды.

– Не знаешь почему?

– А чего тут знать? Из-за денег, конечно. Гоша с утра до вечера триндит, мол, Деня деньги огребает, а вкалывают они.

– А что там с игрой? – вновь задала я вопрос. – Вроде бы они придумали новую игру, и ее хотят купить за большие деньги?

– В играх я не очень. И ничего об этом не слышала.

– В соседней комнате полно компьютеров и еще какой-то техники...

– Ага. Там Женька постоянно ошиивается, и еще один парень, вы его сегодня видели. Запомните главное: Деню они терпеть не могут, а он хороший, поняли?

– Ты о компрометирующих Софью фотках знаешь?

– Еще бы, – фыркнула девушка, отбрасывая сигарету. Светящейся дугой она пролетела с полметра и упала в трех шагах от урны, девицу это заботило мало. – Имела счастье взглянуть, – продолжила она.

– Как считаешь, это мог сделать, например, Игорь? Чтобы поссорить Софью с Туровым?

– Откуда ж он фотки взял? Хотя Сонька-то вопила, что это подделка. Сейчас что угодно можно сляпать, а с их способностями... но если девушку любишь, не станешь ее подставлять. Ведь так? Разругается она с Туровым, к тебе метнется от безнадёги, а фотки гуляют в Интернете. Но теперь это фотки твоей девушки.

– Н-да... – кивнула я.

– Если Соньку кто-то из них подставил, то не Гоша, а скорее Женька.

– А куда Сонька могла сбежать, по-твоему?

– Ну, вы спросили... Откуда мне знать? Как считаете, – тут она вздохнула, – Деню посадят?

– За что?

– Все болтают: он Соньку убил. Не мог он.

– Уверена?

– Конечно, – запальчиво ответила девушка, посмотрела в сторону клуба и поморщилась. – Мне пора. И так скажут, что половину рабочего дня на улице проторчала. Вытащите Деню... – Она вновь вздохнула и припустилась к входу, а я побрела к машине.

Как раз в этот момент зазвонил мобильный. Взглянув на дисплей, я поторопилась ответить, потому что звонила сестрица, а на звонок начальства положено отвечать немедленно.

– Ты где? – задала Агатка неизменный вопрос, на который так и подмывало ответить «здесь», но работодатели этого не любят, и я бодро отрапортовала: – Возле дома номер семь по улице Пирогова.

– Это далеко от проспекта Космонавтов?

– Не очень... а что у нас на проспекте?

– На проспекте у нас я. Сiju в кафе «Каприз». Встречалась с одним типом. Дуй сюда, пообедаем вместе. Заодно расскажешь, как успехи.

Хвастать было нечем, а вот есть хотелось, о чем свидетельствовало легкое урчание в животе. Я торопливо загрузилась в свою «Ауди» и вскоре уже подъезжала к «Капризу». И еще только выходя из машины, заметила сестрицу. Она сидела за столиком у окна. Преодолевая расстояние от парковки до входа в кафе, я с удовлетворением отметила: все проходившие мимо мужчины на сестрице взгляд задерживали. Надо сказать, в тот день выглядела она весьма эффектно, я даже заподозрила, что тип, с которым встречалась Агатка, не так уж ей безразличен. Но тут же подумала, что скорее всего это мои фантазии. Сестра не из тех, кто ищет новые отношения, не покончив со старыми, а покончить с Берсеневым у нее пока получалось плохо.

Увидев меня, Агатка махнула рукой, а я, на ходу снимая пальто, направилась к столику, еще раз отметив, как хороша сестрица. Строгий черный костюм и алая губная помада в сочетании с модной стрижкой придавали ей такой шик, что просто дух захватывало.

– Ты создаешь пробки на улице, – повесив пальто на стоявшую рядом вешалку и садясь напротив сестры, сказала я.

– Припарковалась «по-хамски»?

– Не угадала. Мужики млеют от твоей красоты.

– Только замуж никто не зовет, нет бы маму порадовать. Я тебе треску заказала, нормально?

– Сойдет. С кем встречалась?

Агатка махнула рукой, давая понять, что время на это тратить не стоит, и тут же задала свой вопрос:

– Как прошло утро?

– Без великих открытий.

– Жаль. Нобелевская премия нам бы не помешала.

– Мне бы и просто премия в радость...

– Ты же не хочешь разорить сестру?

– Хочу, но не имею возможности.

Нам принесли рыбу, мы приступили к трапезе, продолжая разговаривать вопреки завету мамы, что еда и болтовня несовместимы, и, наверное, именно по этой причине получали особое удовольствие и от того и от другого.

– Встретилась с друзьями-приятелями Турова, которые упоминаются в бумагах Елисея. Все в один голос твердят – убить он не мог.

– На то и друзья, – пожала Агатка плечами.

– Вроде бы он в Софью не особо был влюблен, – продолжила я. – А вот она души в нем не чаяла. Даже знакомство с ним – ее инициатива.

– Чему удивляться? Мужиков на планете меньше, чем баб, слышала о такой пакости природы?

– Краем уха. Тут вот еще что. Трое умников решили заняться бизнесом, была у них идея, но не было денег, зато они нашлись у Турова. Он вложил, и теперь шестьдесят процентов фирмы у него. И этим, конечно, компаньоны недовольны, потому что кто-то что-то купить у них собирается за приличные деньги.

– Ты бы завязала гадать на кофейной гуще, а узнала конкретнее...

– Если конкретно, то есть компьютерный клуб и показания сотрудника этого самого клуба, что компаньоны на Турова зубы точат, причем один из них влюблен в Софью. Фотки кто-то из них мог выложить в Интернет, спровоцировав скандал.

– И мог убить девицу? – подхватила Агатка. – Чтоб счастливо от дружка избавиться? Бабло, что они там пият, того стоило?

– Ну, ты сама всегда говоришь: убить могут и за меньшее. Однако есть еще версия: Софья сбежала.

– От кого?

– Не от кого, а по какой причине. Где у нас Туров? Правильно, в тюрьме. Неприятности ему обеспечены, даже если тела не найдут.

– А осерчала деваха до такой степени, потому что он не порадовался известию о ее беременности.

– Типа того.

– Вторая версия мне нравится больше. Надеюсь, у тебя есть догадки, где девчонку искать.

– Есть идея. Пригласим экстрасенсов. Они ткнут пальцем в карту, и мы узнаем.

– За такие идеи премию ты будешь ждать долго.

– Да? А мне нравится.

– Сегодня со следаком говорила, который расследует убийство Елисея. В тот вечер Елисей встречался со Смолиным-младшим, то есть с единокровным братом Софьи.

Я так и замерла с приоткрытым ртом, не донеся треску до места назначения. Должно быть, выглядела при этом забавно, потому что Агатка весело фыркнула.

– По-твоему, это что-то значит? – спросила я, откладывая вилку в сторону. К тому моменту у меня имелись две версии, и обе я только что изложила. Сама тяготела ко второй, куда менее кровавой. И тут вдруг выстроенная мною картина мира летит к чертям собачьим.

Сестрица пожала плечами:

– Может, значит, а может, нет. Елисей со Смолиным-младшим большие приятели, даже ухаживали за сестрами-близняшками и думали породниться.

– А как же сексуальные предпочтения Елисея?

– Сестры были из очень состоятельной семьи. Предпочтения предпочтениями, а карьеру делать надо. Но до родителей дошли слухи о шалостях Нилова, и ему дали от ворот поворот. Смолин женился на одной из сестер, однако, брак продлился недолго. С Елисеем они продолжали видеться не то чтобы часто, но приятельские отношения поддерживали. Смолин узнал, что Елисей представляет интересы предполагаемого убийцы его сестры, вот и решил поговорить. Надеялся, адвокат сможет убедить Турова рассказать, где тот спрятал тело. Девушку надо похоронить и все такое... очень за отца переживает.

– Странно, что Елисей взялся за это дело, учитывая их дружбу со Смолиным.

– Ну, во-первых, все-таки не дружбу, а приятельские отношения, во-вторых, адвокаты – народ непритязательный.

– Это я знаю.

– Не смей хамить сестре. Слушай дальше. – Агатка отодвинула в сторону тарелку, промокнула губы салфеткой и, подперев щеку рукой, принялась катать по столу вилку. У сестрицы уйма скверных привычек, но никому и в голову не придет делать ей замечания. А вот меня учат жизни все кому не лень. Налицо двойные стандарты. – Смолин позвонил, они встретились в ресторане торгового центра, Елисей заверил, что считает Турова невиновным, намекнул, что Софья могла сама сбежать. Смолина это не удивило, о сестре он мнения невысокого. Они простились, Смолин пошел домой пешком, решив прогуляться, а Нилов спустился на парковку, где вскоре и был убит.

– Надо бы встретиться с этим Смолиным, – вздохнула я, думая о том, как несправедлива судьба: поставь Нилов машину там, где есть камеры видеонаблюдения, и я была бы избавлена от головной боли. – Все-таки странное место грабители выбрали для нападения, – подумала я вслух.

Агатка вновь пожала плечами:

– Дяди с толстым бумажником по темным улицам не ходят.

– Где этого Смолина искать-то? – проворчала я.

А Агатка ответила:

– Чего его искать? Он директор телекомпании, двигай на работу. Назовись родительской фамилией, и тебя допустят к телу. Такие, как Смолин, власть уважают.

– Какие такие? – съязвила я.

– Вот и узнай, – широко улыбнулась сестрица, которой язвительности тоже не занимать.

– А к писателю я могу заявиться? Все-таки он гуру отечественной литературы и все такое... читала в Интернете. Живет затворником.

– Явное преувеличение. Живет он с третьей женой, охотно принимает приглашения на все тусовки, а вот книжек у него давно не выходило.

– И откуда ты все знаешь? – вновь не удержалась я.

– Отгадай, и за обед заплачу я.

– Ты за него и так заплатишь. Твоя сестра на мели, так что чао, дорогая.

Агатка засмеялась и попросила официанта принести нам кофе.

– Не спеши, – сказала мне великодушно. – Попьем не торопясь кофейку и поговорим о чем-нибудь приятном.

Вот тут-то и выяснилось, что с приятным в нашей жизни что-то не так: то есть наблюдается острый дефицит, потому что темы не находились. Агатка пробовала заговорить о премьере в областном театре, но мне она на фиг была не нужна. Я подумала и сказала, что Берсе-ньев куда-то подевался. Вряд ли это приятная тема для Агатки, хотя как посмотреть.

– Появится, – отмахнулась она и сердито нахмурилась.

– Побегу к Смолину, – сказала я и спешно ретировалась.

Выйдя на улицу, я еще раз взглянула в окно, за которым сидела сестрица. Взгляд ее был устремлен вдаль, поверх моей головы, она и сейчас казалась мне очень красивой и вместе с тем одинокой, отделенной от всего мира окном, как рамой.

– Я тебя люблю, – сказала я вслух, чем ввела в смущение проходившего мимо молодого человека.

Офис телеканала, которым руководил Смолин-младший, находился неподалеку, прикинув и так и эдак, я решила дойти до него пешком, по крайней мере, не надо будет голову ломать, где машину поставить. С парковкой там полный швах. Бодро перескакивая через лужи, я преодолела переулок и вскоре уже подходила к проходной. На входе сидел охранник и читал, припрятав книжку на коленях, должно быть, думал, что из-за стола ее не увидят. Когда-то я тоже так думала, пока учитель географии ее не отобрал. Вернул только после уроков, и я часа три изнывала от нетерпения, потому что произошло это безобразие в самый неподходящий момент: вот-вот должна открыться страшная тайна, о чем я мечтала триста страниц.

Дядька вскинул голову и, не меняя позы, спросил, к кому я. Вспомнив, что у меня здесь полно друзей, я назвала одну из фамилий. Дядька кивнул, попросил паспорт и аккуратно переписал мои данные в журнал. Я, кстати, когда-то тоже работала на телевидении, хотя и на другом канале... Давненько это было. Самое время произнести что-нибудь малоутешительное о быстротечности жизни. Паспорт мне вернули, я прошла через турникет и направилась по коридору, поглядывая на двери с табличками. Если память мне не изменяет, кабинет директора где-то в конце коридора.

Тут одна из дверей распахнулась, и я увидела Надьку Сафронову, давнюю приятельницу.

– Фенька, – удивилась она. – Ты как здесь? А чего не позвонила?

– Мне ваш Смолин нужен, – ответила я. – Сестрица работой загрузила.

– У Смолина сейчас Эдгарыч, наш финансовый, это надолго. Пойдем в буфет, времени вагон.

И мы пошли в буфет. Кофе явно был лишним, но я усердно его пила, дабы компанию не портить, в трепетной надежде, что Сафронова поведаст что-то исключительно интересное, а главное – полезное в моем расследовании.

– Ты вроде похудела? – спросила Надька, я и раньше толстой не была, оттого пропустила мимо ушей замечание, которое иные могли счесть за комплимент.

– Расскажи мне про Смолина, – предложила я.

– А чего о нем рассказывать? – удивилась подружка. – Мужик как мужик.

– Да? Себе подобными, случайно, не интересуется?

– Да ты что? – ахнула Надька. – Он два года назад с женой развелся. Прикинь... А мы все гадаем...

Надька всегда так, стоит ей тему подкинуть, и словесный поток уже не остановишь.

– Фенька, а ты мне не вкручиваешь? – вдруг нахмурилась она. – Смолин ни одной юбки не пропускает. Неужто маскируется?

– У него в друзьях был тип, который не маскировался, оттого и спрашиваю. Давай отвлекусь от его постельных предпочтений и поговорим о том, какой он человек, к примеру.

– Нормальный. Я бы даже сказала хороший. Бабник – жуть, и баб своих всегда пристроит, но я бы на это возражать не стала.

– К тебе тоже подкатывал?

– Не-а. В чинах мы небольших, нас не замечают. Да мне и так хорошо, если честно. Работа не бей лежачего, зарплатка дохленькая, зато папа небедный. Еще бы замуж выйти – и буду в полном ажуре.

– То есть руководитель он толковый?

– Ну... если б не родитель его, так высоко вряд ли бы поднялся. На его место желающих пруд пруди. Но наш губернатор к его папуле на чай ездит, президент в прошлом году к нам наведалься и тоже к папе заглянул. Короче, сидит крепко, и все, кто хочет здесь работать, с этим считаются. Смолин-старший программу ведет «Разговоры запросто», видела?

– Нет.

– И не надо. Учит нас, как обустроить Россию, чужие лавры покоя не дают. Рейтинг дохлый, но никто об этом даже не заикается. А в остальном дела идут неплохо, команда слаженная, все работает как часы, если и есть трудности, то мы их преодолеваем. В будущее смотрим с оптимизмом. Сейчас Смолин с начальницей финансового отдела замутил. Все гадают, окрутит она его или он из силков выскользнет. На корпоративе под Новый год их уборщица засекла. До этого кадровичка с ним крутила. Мужа бросить собиралась. Ну не дура ли? Если будет у меня когда-нибудь муж, я его беречь стану. Но как-то все дохло, Фенька, а у тебя?

– То же самое.

– Может, сваху какую найти?

– Давай. Если что, адресок скинь.

Я попробовала вернуться к разговору о Смолине, но проблемы личной жизни интересовали Надьку куда больше. На счастье, через прозрачный пластик, отделявший кафе от коридора, подружка увидела тучного дядю неопределенного возраста и заявила:

– Эдгарыч к себе потопал.

Я торопливо поднялась, решив, что, если Смолин освободился от посетителя, надо этим срочно воспользоваться. Оставила на блюде купюру, чтоб Надьку не обременять, и припустилась по коридору. Сафронова решила еще кофе выпить.

Приемная была просторной, но выглядела довольно скромно. За столом сидела дама в очках и печатала на компьютере с фантастической быстротой.

– Вы к Льву Геннадьевичу? – спросила она без улыбки, но вполне доброжелательно.

– Да. Моя фамилия Завьялова. Завьялова Ефимия Константиновна. Адвокат.

– Вы дочка Константина Викторовича? – уточнила тетка и улыбнулась краешком губ. Знай наших. Агатка права: принадлежность к известной фамилии легко открывает все двери.

Секретарь направилась в кабинет начальника, а я, поглядывая на нее, принялась гадать, почему Смолин не взял на ее место длинноногую девицу старшего школьного возраста. Тетка незаменимая, просто поленился или была еще какая-то причина?

– Прошу вас, – сказала секретарь, пошире распахивая дверь.

Кабинет Смолина чуть больше приемной, богатством не потрясал, а вот вкус у хозяина точно был. Или у того, кто помогал ему здесь обустроиться. Ничего лишнего и все на своих местах. Смолин сидел за столом, формой напоминающим запятую. При виде меня поднялся и даже пошел навстречу.

– Ефимия Константиновна? Рад знакомству. Смолин Лев Геннадьевич. – Широким жестом он указал на два кресла возле окна, дождался, когда сяду я, и сел сам. – Татьяна Ивановна сейчас чаю принесет. Или вы кофе предпочитаете?

– Лучше чай.

– Отлично. Одно время я кофе чересчур увлекся, давление стало подскакивать, пришлось вернуться к нашему традиционному напитку.

Пока он говорил, я улыбалась и его разглядывала. Девять женщин из десяти назвали бы его красавчиком. Высокий, подтянутый, итальянский костюм в тонкую полоску подчеркивал достоинства фигуры. Волнистые волосы блестели, как напомаженные. Он был похож на агента 007 в исполнении Броснана, взгляд с прищуром и голливудская улыбка. Смолин отлично знал, какое впечатление производит на женщин, и наверняка этим пользовался. Ладно, все мы не без греха. Я, к примеру, пользуюсь фамилией папы, которая уже давно не моя.

Татьяна Ивановна принесла на подносе чай и конфеты в вазочке, но Смолину их показалось мало, и он достал коробку из своего стола: что-то очень нарядное и наверняка дорогое. Я рассыпалась в благодарности, он предлагал не стесняться. Мы продолжали болтать о пустяках, пока я не решила, что светская беседа затянулась. Только собралась сообщить, зачем пожаловала, как Смолин меня опередил.

– Вы теперь адвокат Турова?

– Да. У Нилова с сестрой была договоренность...

– Ужасная трагедия, – вздохнул Лев Геннадьевич. – Сейчас вот думаю: если б я с ним поехал...

– Кстати, а почему вы в тот вечер были без машины?

– Стараюсь больше двигаться. Кабинетная жизнь здоровью не способствует. С работы и на работу хожу пешком. Я живу всего в четырех кварталах отсюда. По городу тоже стараюсь пешком передвигаться. Машина, конечно, есть, и личная, и служебная. Шофера надо бы сократить, от безделья мается, но мужик хороший и до пенсии ему всего четыре года. Вот как-то так... Вы не подумайте, я на Турова зла не держу, и с Елисеем встретился, потому что мой отец... мой и Софьян отец очень переживает. Мне важно было мнение Нилова. Он был уверен – Туров не убивал. И я обрадовался, потому что появилась надежда. Пусть и небольшая.

– Вы часто виделись с сестрой? – спросила я.

– Нет. Если честно, никакой близости между нами не было. Вам ведь известна моя история? История моего появления на свет, так сказать.

Я покачала головой, и это Смолина удивило, а может, и задело. Должно быть, он искренне считал: весь мир должен им интересоваться.

– Я ее расскажу, и многое станет понятно. Мои родители познакомились, когда учились в институте. В то время отец собирался заниматься наукой. Они встретились на какой-то студенческой вечеринке и полюбили друг друга. По крайней мере, так они решили тогда. Любовь длилась пару месяцев, потом мама забеременела. Отец пришел в ужас, в его планы не входило в ближайшее время жениться и уж тем более обзаводиться орущим младенцем. Он уговаривал маму сделать аборт, и это ее оскорбило, впрочем, как и любую женщину, я полагаю. Просто бросить ее отец не мог, воспитание не позволяло, да и побаивался. От мамы просто так не отмахнешься, ее дед – профессор, доктор медицины, а несостоявшийся тесть – проректор того самого института, где отец тогда учился... В конце концов мама все рассказала, дома разразился скандал. Отец прибежал с предложением руки и сердца, но мой дед выставил его за дверь. Я думаю, он был прав. Мама перевелась в институт в Москву и, наверное, только выиграла от перемен в своей судьбе. Сейчас она в Америке. Воспитывали меня бабка с дедом, и, поверьте, я был вполне счастлив. Мой дед по отцовской линии узнал о моем существовании, когда мне исполнилось два месяца. Человек старой закалки, он поставил сыну ультиматум: либо он усыновит ребенка, либо в родительском доме ему делать нечего. Так я был избавлен от клейма незаконнорожденного, получив отцовскую фамилию. Против этого родители мамы возражать не стали и видаться со мной отцу не запрещали. Встречи были исключительно редкими, и отца в своем детстве я совсем не помню. Когда мне было двадцать три, бабуля с дедом погибли в горах, ехали на машине, внезапно сошла лавина... Мама уже лет семь жила в Америке, я чувствовал себя чудовищно одиноким. И тут отец пришел мне на помощь. Буквально вытянул меня из депрессии. Мы неожиданно стали добрыми друзьями, и до сих пор наши отношения в этом смысле не изменились. У отца тогда тоже был непростой период. Он развелся со своей второй женой. Кстати, так случилось, что с его первой женой у нас прекрасные отношения. Детей в первом браке у него не было, хотя с Венерой они прожили больше семи лет. Думаю, отец вообще не стремился обзаводиться потомством. По своей сути, он – одиночка, собственное творчество для него куда важнее всех любовей на свете. – Смолин усмехнулся, приглядываясь ко мне, точно проверял реакцию. – В общем, с его второй женой мы разминулись. Софья, правда, в каникулы навещала отца, и мы иногда виделись. Потом она и вовсе переехала сюда, поступила в местный вуз и жила здесь постоянно. Но разница в возрасте не предполагала особо доверительных отношений.

Я обратила внимание, что о Софье он говорит в прошедшем времени, и задала вопрос:

– Вы считаете, ее нет в живых?

Смолин нахмурился, помолчал немного и пожал плечами.

– Я бы очень хотел верить в обратное. Потому что даже боюсь представить, как отец... – Он развел руками. – Но... все указывает на то, что исчезла она не по своей воле. Разве нет? Кровь, обрывок одежды... и невнятные объяснения Турова... Он ведь не отрицал, что они поссорились.

– Не отрицал, но в убийстве не признался. И тело не нашли. Знакомые характеризуют Софью как девушку взбалмошную. А что вы можете сказать о ней?

– Вы ставите меня в трудное положение. Получается, я помогаю защите ее возможного убийцы...

– Вы помогаете установить истину, – с серьезной миной заявила я. Смолин вздохнул, но возразить не рискнул.

– Она была избалованным ребенком. И очень обиженным. Мать вторично вышла замуж, с отчимом у нее не сложилось, мать она едва ли не возненавидела, вот и переехала к отцу. Нынешняя супруга отца, милейшая Раиса Петровна, ей тоже не нравилась. Софья считала, весь мир должен вращаться вокруг нее, и делить отца она ни с кем не собиралась. Иногда доходило до смешного: я звонил, она говорила, что папы нет дома, а потом выяснялось, что это неправда.

– Как думаете, она способна инсценировать собственное убийство, чтобы досадить возлюбленному да и всем прочим?

Смолин вскинул брови, демонстрируя удивление.

– Очень смелое предположение, – заметил с усмешкой. – И что вас на него натолкнуло?

– Рассказы ее друзей. Так да или нет?

– Не знаю. Если да, я лично устрою ей такую трепку... у отца давление зашкаливает... Надеюсь, она понимает, что делает... Черт, – вдруг выругался он. – Наверное, мне следует желать, чтобы она в самом деле все это инсценировала. Это ведь лучше, чем реальная гибель, но поверить, что она дошла до подобного, очень нелегко. Возможно, он где-то ее удерживает...

– Такой вариант для нее, пожалуй, самый скверный, – сказала я. – Если у Турова нет сообщника или сообщников, Софья в предполагаемом заключении совершенно одна, скорее всего без еды и воды.

– Ужас, – кивнул Смолин и передернул плечами. – Пусть девочка окажется живой, даже если она спятила и затеяла все это, чтобы нас напугать. Хотя очень вероятно, что о других она не думала, желая досадить Турову. У молодых людей больше одной мысли в голове не удерживается, а эгоизм прямо-таки фантастический. Это я по себе помню. – Он улыбнулся, видимо, ожидая комплимента, типа того, что молодость его по-прежнему с ним, выглядит он замечательно и еще долгие-долгие годы беспокоиться на этот счет ему не придется.

Но вместо этого я с постным видом сказала:

– Извините, что я задаю этот вопрос, но... – Тут я изобразила крайнее смущение и продолжила: – Ваш отец человек заслуженный и, безусловно, не бедный. Софья его наследница. А вы?

С минуту Смолин смотрел на меня, точно не понимая, о чем речь, а потом принялся хохотать. Смех его был вполне искренним, меня так и подмывало присоединиться.

– Вы что, меня подозреваете? – смахнув слезу пальцем с идеальным маникюром, спросил он. – Вы даже не представляете, как далеки от истины. Ни о каком наследстве речи не идет, то есть богатств и в помине нет. Когда-то отец был очень популярен, прославился своей книгой «Прощальная песня», ее до сих пор переиздают. После этого вышло еще шесть книг, но повторить свой успех он так и не смог, хотя они, конечно, тоже хорошо расходились. Но... сейчас в моде другие авторы, другие темы... Отец, признаться, несколько старомоден. Его по-прежнему почитают, уважают, но тираж его последней книги всего десять тысяч. Уверяю вас, это небольшие деньги. Он неважно себя чувствует, на врачей и лекарства уходит львиная доля гонораров. Последние годы я ему материально помогаю. Мои доходы это позволяют. У меня хорошая зарплата плюс дедово наследство: две квартиры в центре, дом и прекрасная дача. Дом и одну из квартир я продал, смог очень выгодно приобрести офисное помещение площадью восемьсот метров и в будущее смотрю уверенно. Все это не трудно проверить. Теперь что касается отцовского наследства. Дом, в котором он сейчас живет, куплен в браке с Раисой Петровной, следовательно, ей и достанется, по крайней мере половина дома уж точно. Как юрист, вы это знаете. На московскую квартиру будут претендовать сразу две жены. По поводу авторских прав ничего не скажу, мы с отцом на эту тему не говорили, но больших доходов они не принесут, это я вам уже сообщил. Что еще? Раритетная «Победа» и «Киа», которую подарил ему я. Свою машину «Ауди» он отдал Софье. Никакой другой собственности у отца нет. Он очень непрактичный человек. К тому же, несмотря на проблемы со здоровьем, я надеюсь, он проживет еще долго, так что идею с наследством выбросьте из головы.

– Как скажете, – улыбнулась я. – С Туровым вы знакомы?

– Нет. В доме отца он не появлялся.

– И, как я понимаю, Софья вам о своих возможных проблемах не рассказывала.

– Правильно понимаете.

– За помощью не обращалась, и где она может быть, если ее гибель лишь инсценировка, вы не знаете?

– Конечно нет. Я никогда бы не позволил... Господи, да я поверить не могу, что она, наплевав на отца... – Он с горечью покачал головой. – Скажу вам честно, я думаю, она погибла. Девчонка хоть и взбалмошная, но не совсем же лишена человеческих чувств? Ее либо Туров убил, либо кто-то из проезжавших водителей. Версия, возможно, сомнительная, но Туров ваш клиент, и с тем, что убийца он, вы вряд ли согласитесь. Допустим, мимо проезжал какой-то псих, увидел девушку в растрепанных чувствах, предложил подвезти. Она села в машину, он стал к ней приставать... что-то в этом роде... не такая уж неправдоподобная версия, если вдуматься.

Я согласно кивнула и задала очередной вопрос:

– С Елисеем вы встретились в ресторане?

Такой поворот Смолина удивил.

– С Елисеем? – переспросил он, точно успел забыть, кто это такой. – Нет. Мы встретились на улице. Я подходил к торговому центру, а он как раз подъезжал. Я сел в машину. Из подземной парковки на лифте поднялись на третий этаж, где находится ресторан. Все это я рассказывал следователю.

– И ушли вы раньше?

– Собственно, из ресторана мы вышли вместе. Но тут же расстались. Я хотел присмотреть подарок крестнице, оттого и выбрал ресторан в торговом центре. Нилов собирался спуститься в продуктовый, он на нулевом этаже. Шутил, что алкоголь в доме кончился. Возле лифта мы и простились.

Вскоре я уже направлялась к своей машине. Версий хоть отбавляй. Софью вполне мог убить Туров, и слова друзей-приятелей мало что значат. Иногда мы уверены, что отлично знаем человека, а потом вдруг выясняется: не знаем его вообще. Следующая версия: Софья сбежала, чтобы Турову небо с овчинку показалось, что, в общем-то, удалось. Софью убили или похитили люди, которым что-то нужно было от Турова. К примеру, его компаньоны с их странной лавочкой. Если Турова упрячут в тюрьму надолго, они найдут возможность превратить его шестьдесят в свои сто процентов. Кстати, версия Смолина тоже вполне сгодится: случайный неадекватный дядя, подобранный на дороге девчонку. Она заартачилась, он не рассчитал удар – и вот вам труп. Но откуда тогда кровь у дороги и обрывки одежды? Вряд ли проезжавший мимо дядя сразу на нее накинулся. Выходит, они с Туровым не просто ссорились. Он ее избил. Его крови не было, только ее. Значит, и драки не было, уж окорять его Софья могла запросто. Не драка, а именно избиение. И Туров врет, что просто высадил ее и уехал. Все версии следовало иметь в виду, и все они одинаково мне не нравились, а вот объяснить причину этого я была не в состоянии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.